

№ 40 ГОСТИННЫЙ
ДВОР

Император России Александр Первый

Светлейший князь Кутузов

Князь Багратун

Князь Багратун

*«Моё намерение и желание
ни к чему иному не клонится,
как токмо усердно служить
Отечеству...»*

П.И. Рычков

**ГОСТИНЫЙ
ДВОР**

Литературно-художественный и общественно-политический альманах
Издаётся с 1995 года

*Издание осуществлено на средства
Правительства Оренбургской области*

Оренбург
2012

Учредители:

Министерство культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области,
Оренбургская областная общественная писательская организация Союза писателей
России

Главный редактор Н.Ю. Кожевникова

Редакционный общественный совет:

председатель — **В.А. Шориков**, министр культуры, общественных и внешних связей
Оренбургской области

В.А. Бахревский (Подмосковье)

П.Г. Рыков

Н.А. Ежельянова

Л.П. Сквородко

Г.П. Ивлиев

В.Б. Соколов

Д.Е. Кан (Новокуйбышевск)

Т.В. Судоргина

В.М. Капустина

А.А. Теляшнин (Новотроицк)

П.Н. Краснов

А.Г. Филиппов

В.А. Лабузов

А.А. Чибилёв

Г.П. Матвиевская

Георгий Горлов, священник

В.В. Ренёв

Почтовый адрес редакции:

460000, г. Оренбург, ул. Краснознамённая, 5, каб. 2

Телефоны: (3532) 77-52-71, 8-903-394-32-60

E-MAIL: Gdvor56@yandex.ru, editor@orenlit.ru, Веб-сайт: orenlit.ru

Почтовый адрес издателя:

460009, г. Оренбург, проспект Братьев Коростелёвых, 4

Государственное унитарное предприятие «Редакция газеты «Оренбуржье»

Телефон/факс (3532) 74-43-36

E-MAIL: gazorb@mail.ru

На первой и последней страницах обложки — фото **В.Б. Соколова**

Художник — **В.С. Бобров**

Компьютерный дизайн — **Л.В. Гмырина**

Компьютерный набор — **Е.Н. Цыганчук, Г.Р. Чуйкова**

Корректоры — **Ф.Н. Кусикова, Л.И. Белнева**

В спорных случаях оставляются стиль, орфография и пунктуация авторов, которые несут ответственность также и за достоверность фактов. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать рукописи

Сдано в набор 10.08.2012 г. Подписано в печать 14.09.2012 г.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Объём 22,5 печ. л.

Тираж 1 500 экз.

Заказ № 1859

Цена свободная

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ56-00153 от 21.04.2010 г. в Управлении Роскомнадзора по Оренбургской области Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в ООО «УралПечатьСервис»

462353, г. Новотроицк, ул. Горького, 14

ISBN

© Альманах «Гостинный Двор», 2012

...Для русских историков — странно и странно сказать — Наполеон — это ничтожнейшее орудие истории — никогда и нигде, даже в изгнании, не выказавший человеческого достоинства, — Наполеон есть предмет восхищения и восторга; он grand. Кутузов же, тот человек, который от начала и до конца своей деятельности в 1812 году, от Бородина и до Вильны, ни разу ни одним действием, ни словом не изменяя себе, являет необычайный в истории пример самоотверждения и сознания в настоящем будущего значения события, — Кутузов представляется им чем-то неопределённым и жалким, и, говоря о Кутузове и 12-м годе, им всегда как будто немножко стыдно.

А между тем трудно себе представить историческое лицо, деятельность которого так неизменно постоянно была бы направлена к одной и той же цели. Трудно вообразить себе цель, более достойную и более совпадающую с волею всего народа. Ещё труднее найти другой пример в истории, где бы цель, которую поставило себе историческое лицо, была бы так совершенно достигнута, как та цель, к достижению которой была направлена вся деятельность Кутузова в 1812 году.

Кутузов никогда не говорил о сорока веках, которые смотрят с пирамид, о жертвах, которые он приносит отечеству, о том, что он намерен совершить или совершил: он вообще ничего не говорил о себе, не играл никакой роли, казался всегда самым простым и обыкновенным человеком и говорил самые простые и обыкновенные вещи. Он писал письма своим дочерям и m-me Staël, читал романы, любил общество красивых женщин, шутил с генералами, офицерами и солдатами и никогда не противоречил тем людям, которые хотели ему что-нибудь доказывать. Когда граф Раstopчин на Яузском мосту подкасал к Кутузову с личными упреками о том, кто виноват в гибели Москвы, и сказал: «Как же вы обещали не оставлять Москвы, не дав сраженья?» — Кутузов отвечал: «Я и не оставлю Москвы без сраженья», несмотря на то, что Москва была уже оставлена. Когда

приехавший к нему от государя Аракчеев сказал, что надо бы Ермолова назначить начальником артиллерии, Кутузов отвечал: «Да, я и сам только что говорил это», — хотя он за минуту говорил совсем другое. Какое дело было ему, одному понимаемому тогда весь громадный смысл события, среди бестолковой толпы, окружавшей его, какое ему дело было до того, к себе или к нему отнесёт граф Растигчин бедствие столицы? Ещё менее могло заставить его то, кого назначат начальником артиллерии.

Не только в этих случаях, но беспрестанно этот старый человек, дошедший опытом жизни до убеждения в том, что мысли и слова, служащие им выражением, не суть двигатели людей, говорил слова совершенно бессмысленные — первые, которые ему приходили в голову.

Но этот самый человек, так пренебрегавший своими словами, ни разу во всю свою деятельность не сказал ни одного слова, которое было бы не согласно с той единственной целью, к достижению которой он шёл во время всей войны. Очевидно, невольно, с тяжёлой уверенностью, что не поймёт его, он неоднократно в самых разнообразных обстоятельствах высказывал свою мысль. Начиная от Бородинского сражения, с которого начался его разлад с окружающими, он один говорил, что Бородинское сражение есть победа, и повторял это и изустно, и в рапортах, и донесениях до самой своей смерти. Он один сказал, что потеря Москвы не есть потеря России. Он в ответ Лористону на предложение о мире отвечал, что мира не может быть, потому что такова воля народа; он один во время отступления французов говорил, что все наши маневры не нужны, что всё делается само собой лучше, чем мы того желаем, что неприятелю надо дать золотой мост, что ни Тарутинское, ни Вяземское, ни Красненское сражения не нужны, что с чем-нибудь надо прийти на границу, что за десять французов он не отдаст одного русского.

И он один, этот придворный человек, как нам изображают его, человек, который ждёт Аракчееву с целью угодить государю, — он один, этот придворный человек, в Вильне, тем заслужившая немилость государя, говорит, что дальнейшая война за границей вредна и бесполезна.

Но одни слова не доказали бы, что он тогда понимал значение события. Действия его — все без малейшего отступления, все были направлены к одной и той же цели, выражающейся в трёх действиях: 1) направить все свои силы для столкновения с французами, 2) победить их и 3) изгнать из России, облегчая, насколько возможно, бедствия народа и войска.

Он, тот медлитель Кутузов, которого девиз есть терпение и

время, враг решительных действий, он даёт Бородинское сражение, облекая приготовления к нему в беспримерную торжественность. Он, тот Кутузов, который в Аустерлицком сражении, прежде начала его, говорит, что оно будет проиграно, в Бородине, несмотря на уверения генералов о том, что сражение проиграно, несмотря на неслыханный в истории пример того, что после выигранного сражения войско должно отступать, он один, в противовес всем, до самой смерти утверждает, что Бородинское сражение — победа. Он один во всё время отступления настаивает на том, чтобы не давать сражений, которые теперь бесполезны, не начинать новой войны и не переходить границы России.

Теперь понять значение события, если только не прилагать к деятельности масс целей, которые были в голове десятка людей, легко, так как всё событие с его последствиями лежит перед нами.

Но каким образом тогда этот старый человек, один, в противность мнениям всех, мог угадать, так верно угадал тогда значение народного смысла события, что ни разу во всю свою деятельность не изменил ему?

Источник этой необычайной силы прозрения в смысл совершающихся явлений лежал в том народном чувстве, которое он носил в себе во всей чистоте и силе его.

Только признание в нём этого чувства заставило народ такими странными путями из в немилости находящегося старика выбрать его против воли царя в представители народной войны. И только это чувство поставило его на ту высшую человеческую высоту, с которой он, главнокомандующий, направлял все свои силы не на то, чтоб убивать и истреблять людей, а на то, чтобы спасать и жалеть их.

Простая, скромная и потому истинно величественная фигура эта не могла улесться в ту лживую форму европейского героя, мимо управляющего людьми, которую придумала история...

Л.Н. Толстой
«Война и мир»

ГОСТИНЫЙ ДВОР

- ГРОЗА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА 9 Евгений Семичев. «Защитники Отечества – поэты». *Стихи*
- 13 Пётр Краснов. Правда жизни, «Великий Лгун» и русское фармазонство. *Выступление на XVII Международной писательской встрече в Ясной Поляне*
- 22 Павел Матвиевский. Оренбургский край и войны с Наполеоном
- 32 Владимир Семёнов. Оренбуржцы – герои Отечественной войны 1812 года
- 40 Александр Исковский. Военнопленные «Великой Армии» в Оренбургской губернии (1812 – 1814 гг.). *Исследование краеведа*
- КАЗАЧЬЯ ЛИНИЯ 61 Александр Ялфимов. Атаман Барбоша. *Главы из романа*
- ЛАРЕЦ 87 Александр Курлапов. Бибика с салом. *Казачьи истории*
- ПРОЗА И ПОЭЗИЯ 93 Владимир Шадрин. Звезда на холме. *Стихи*
- 101 Сергей Упоров. Обратная сторона. *Рассказ*
- 110 Владимир Одноралов. Ташлинский соловей. *Стихи*
- 115 Павел Рыков. Последний парад наступает. *Сюжеты из жизни*
- 135 Елена Сурина. «Без пламени гореть свечой...» *Стихи*
- 142 Антонина Мелешко. Кукушкин против. *Рассказы*
- ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ 164 Владимир Баклыков. Россия вымирающая. *Секспросвет и ювенальная юстиция*
- ЗАПОВЕДНАЯ ЗОНА 177 Самигулла Баймурзин. И помнит бор спасённый... *Главы из книги*
- ОРЕНБУРГСКАЯ ДИАСПОРА 203 Иван Уханов. Голос чистой совести. *Воспоминания о встречах с Солодухиным*
- 211 Владимир Флейшер. «В надежде, что наладится погода». *Стихи*
- 347 Алексей Иванов-Огарыш. Любить без приказа. *Из дневника церковностроителя*

- 215 Анастасия Устинова. Эпоха по имени Люська. *Рассказ*
- НАША ГОСТИНАЯ 222 Валерий Сухов. «Я ливнем падаю в траву». *Стихи*
- 225 Ольга Полухина. «До вечности дотронуться рукой...» *Стихи*
- БОЛДИНСКОЕ БРАТСТВО 228 Марина Карпова. Где заповедное слово... *О поездке к Пушкину*
- 237 СТИХИ ПО КРУГУ: Анатолий Аврутин, Глеб Арханов, Николай Бондаренко, Людмила Калининна, Ярослав Кауров, Наталья Кожевникова, Елена Муссалитина, Елена Наумова, Владимир Решетников, Борис Селезнёв, Наталья Стручкова, Галина Таланова, Ренат Харис, Валерий Шамшурин, Маргарита Шувалова
- 251 Андрей Ребров. Зоркая свеча. *Стихи*
- ДЕБЮТ 255 Полина Пороль. Прогулки под дождём. *Стихи*
- ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ «ОРЕНБУРГСКАЯ КРЕПОСТЬ» 259 Александра Чернышёва. Спор. *Рассказ*
- 264 СТИХИ ПО КРУГУ: Феликс Азов, Екатерина Балакина, Александра Кравченко, Наталья Осипова, Михаил Татьяников
- ГОСТИНЫЙ ДВОРИК 270 Светлана Шуляк (Тава Котик). Ангел Online. *Рассказ*
- В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ 274 Галина Матвиевская. Ломоносов Оренбургского края. *К 300-летию со дня рождения П.И. Рычкова*
- 284 Сергей Колычев. Где родился Карамзин? *Предположения и догадки*
- 295 Александр Чебачёв. «Суд скорый, правый и милостивый» или «Дело с хвостиком». *О судебной реформе в Оренбургском крае*
- 309 Татьяна Судоргина. «Проводящим лето в шалостях – разумные развлечения». *Как оренбургское земство заботилось о детях*
- НАРОДНЫЕ МЕМУАРЫ 330 Александр Семёнов. Норильская Голгофа. *Из воспоминаний бывшего заключённого*
- КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ 361 Павел Рыков. Потешных дел мастер. *О «непобедимом войске» Валерия Бешенцева и не только*

Матвиевский Павел Евменович (1904–1987), историк, профессор Оренбургского педагогического института (теперь Оренбургского педагогического университета), автор многочисленных научных и научно-популярных работ об истории Оренбургского края XVIII–XIX вв. В 1951 г. им была представлена к печати монография «Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года». Но опубликована она была только в 1962 г. в Учёных записках Чкаловского (Оренбургского) педагогического института (выпуск № 17). По материалам этой книги Г.П. Матвиевской и И.К. Зубовой составлена публикуемая ниже статья.

Павел МАТВИЕВСКИЙ

ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ И ВОЙНЫ С НАПОЛЕОНОМ

Наполеоновское нашествие 1812 г. всколыхнуло, привело в движение всю Россию, в том числе громадный Оренбургский край — наиболее многонациональный, весьма своеобразный по складу народной жизни и международному значению. В границах того времени это Башкирия, среднее и нижнее Заволжье, Южный Урал, Челябинская, Оренбургская, Уральская области и значительная часть Казахстана (Малая и Букеевская орды).

Со времени своего образования и до второй половины XIX в. Оренбургский край был пограничным и находился в состоянии непрерывного заселения. На земли, которые издавна населяли башкиры, мишари, тептяри, татары, казахи, чуваши и мордва, в поисках лучшей доли шли русские поселенцы из государственных крестьян Рязанской, Тамбовской, Вятской, Казанской, Пензенской и других губерний. В крае складывались благоприятные условия для постоянного общения населявших его народностей. Исподволь усваивались прогрессивные формы

русского хозяйства, происходило взаимное влияние культур.

Оренбургский край имел свои особенности как край пограничный, постоянно находившийся на военном положении. На огромном протяжении от устья Урала до Тобола край был опоясан густой линией крепостей, форпостов и редутов. Эта государственная пограничная линия разделяла оседлых земледельцев и скотоводов-кочевников. Линию обслуживали, помимо регулярных войск, войска иррегулярные, учреждённые в конце XVIII в. и состоявшие из оренбургских и уральских казаков, а также из обращённых в военное сословие башкир, мишарей, тептярей и староаральских (вожских) калмыков.

Первое место в пограничных военных силах края занимали оренбургские казаки, определившиеся в самостоятельное казачье войско (с первым атаманом Василием Могутовым во главе) в 1736 г., а также Уральское казачье войско, утвердившееся на реке Яике (Урале) ещё в начале XVII века. К основному ядру оренбургских казаков, сложившемуся из самарских, уфимских, исетских и других выходцев, на протяжении всего XVIII в. и первой четверти XIX в. правительство приписывало самых разных поселенцев, в том числе из нерусских народов. Уже в 1736 г. оренбургских казаков насчитывалось 3 735 и иррегулярного казачьего корпуса в Оренбурге — 1 000 человек. Они несли службу на дистанциях Оренбургской линии по крепостям и форпостам, проникали порой в казахскую степь, занимались хозяйством и в свободное вре-

мя, «после страдной поры», обучались «казачьим экзерциям».

Уральские казаки, также различные по этническому составу, находились под покровительством, а после Крестьянской войны 1773 — 1775 гг. под строжайшим контролем царского правительства (Военной коллегии) и оренбургского или астраханского губернатора. В 1803 г., с введением новой системы управления и нового подчинения оренбургскому военному губернатору, Уральское казачье войско потеряло былую самостоятельность и составило часть иррегулярных войск края на Нижнеуральской дистанции Оренбургской пограничной линии.

В длинном кафтане из синего или красного сукна, широких синих шароварах, высокой шапке, вооружённый саблей, карабином, двумя пистолетами и пикой с малиновой и белой хорунжекками, — таков оренбургский и уральский казак конца XVIII — первой четверти XIX века. Он доставал всё обмундирование и снаряжение за свой счёт и служил государству «доколе в силах». В этой обстановке у казаков вырабатывался воинский характер, крепкие силы, закалялся боевой дух. На войсковой площадке дореволюционного Оренбурга была «знаменная изба». Собранные в ней чуть ли не за два века материальные памятники свидетельствовали о замкнутом полувоенном быте казачества, о твёрдости и храбрости, проявленных ими в европейских и азиатских войнах и походах.

В конце XVIII в. потребности в иррегулярных вооружённых силах, способных нести пограничную

службы и участвовать в войнах, значительно возросли. В апреле 1798 г. в Оренбургском крае была введена кантонная система управления: башкиры, мишари, калмыки, приписанные к кантонам, обращались в военно-служилое сословие по типу Оренбургского или Уральского казачьих войск. В Башкирии было образовано два пятисотенных тептярских полка.

Образовавшиеся в наиболее населенных местах края 24 кантона, делившиеся, в свою очередь, на юрты, отделения и команды, составили нерегулярные силы Оренбургского корпуса, командующим которого был оренбургский военный губернатор. В казаки кантоны входили как оренбургские и уральские, так и уфимские, самарские, исетские и илецкие казаки. Внекантонным оставался лишь Оренбургский казачий тысячный полк, состоявший из постоянных жителей пригородов Оренбурга — Форштадта и Бердской слободы.

Кантонная система распространилась и на ставропольских (волжских) калмыков, из которых ещё в 1796 г. было образовано калмыцкое войско, состоявшее из 11 рот. В 1798 г. здесь создали один кантон, преобразованный в 1803 г. в тысячный калмыцкий полк по типу такого же полка Оренбургского казачьего войска.

В отличие от регулярных, нерегулярные войска отдельными частями и в ограниченное время обычно отбывали пограничную службу, а в период войны призывались в полный состав как вспомогательная сила. Они приняли активное участие в во-

енных действиях уже в начальный период наполеоновских войн.

Со времени возникновения антинаполеоновской коалиции русское правительство призвало на помощь армии хорошо обученную и организованную силу — оренбургских и уральских казаков, а также национальные полки из нерегулярных пограничных сил Оренбургского края.

Уже 26 декабря 1805 г. против Наполеона двинулись из Оренбургского края тысяча оренбургских и челябинских казаков, а также 600 калмыков и 7 тысяч башкир. В начавшемся единоростве России с Францией после капитуляции Австрии и затем Пруссии в 1806 г. нерегулярные войска Оренбургского края оказались наиболее приспособленными к военным действиям.

В ноябре 1806 г. в Оренбурге были сформированы казачьи полки (№ 1 и № 2) под командованием есаула Лысова и поручика Мельникова в составе 1 275 человек. Они быстрым маршем пошли на Москву, чтобы оттуда отправиться в действующую армию.

Эти полки, к которым в Уфе присоединились ещё 1 500 башкир, а затем и пятисотенный Ставропольский калмыцкий полк, были двинуты в Пруссию и по прибытии туда в мае 1807 г. влились в армию генерала Л.Л. Бенигсена. После Фриландского сражения башкирские и калмыцкие полки прикрывали отход русских армий к Неману, а в начале июня 1807 г., переданные по приказу Баграциона в казачий корпус атамана Платова, вели бои в районе Тильзита с кавалерией французского маршала Мюрата.

Оренбургские казаки полки возглавил добровольно ушедший на фронт командир Оренбургского тысячного казачьего полка полковник В.А. Углицкий. Он передал свой полк есаулу Никите Авдееву и вместе с другими добровольцами — своим сыном Александром, полковником хорунжим, сотником Сабаниным, писарем Астраханцевым, урядником Нагашевым и казакком Ветошиным — поспешил через Москву и белорусские города в Белосток. Он прибыл на фронт в момент, когда башкиры, калмыки и казаки уже сдерживали передовую цепь правого крыла французских войск маршала Массена, то есть накануне заключения унижайтельного для России Тильзитского мира, подписанного 27 июня 1807 г.

Оренбургские казачьи полки из Пруссии были назначены в Молдавскую или Дунайскую армию для войны с союзником Наполеона турецким султаном. Здесь они по-прежнему находились в составе войск атамана донских казаков Матвея Платова. Башкирские полки и калмыцкий полк под командованием полковника Уракова возвратились в Оренбургский край и в декабре 1807 г. были распущены по домам.

Война Турции с Россией, спровоцированная Наполеоном в 1806 г. и продолжавшаяся до мая 1812 г., потребовала нового напряжения народных сил. Вес 1808 г. оренбургские казаки в составе Молдавской армии занимали кордоны по Днестру. Здесь они совершенствовали боевую выучку, изучали опыт своих походов. Командующий казачьими полками В.А. Углицкий стремился

устранить недостатки в снаряжении казаков. Он доказывал атаману Платову, что «со времени похода полков против французов... опытом доказал, что кафтаны оренбургских казаков «весма конному строю неудобны... поелику, сколько ни старался казак во время скачки удерживать полы, чтобы оные не распущались по лошади, никоим образом в том, держа в одной руке повод, а в другой лику, успеть не может, которым вся лошадь бывает покрыта, и оттого оная, паче potrà, может чувствовать больше усталости». По настоянию Платова оренбургские казаки получили в 1808 г. новое обмундирование по образцу донских казаков.

Оренбургские казаки, как составная часть лёгких войск Молдавской армии, принимали участие во всех важнейших сражениях и отдельных операциях. Они осаждали в 1809 г. Браиллов, занимали Исацки, Тульчу, Мачин, Гирсово, Бабадагу, Кюстенджи и Черновод, сражались в боях у Россевата и Татарщины, в битвах с турками решали судьбу крепостей и городов Базарджика, Балычка, Шумлы, Батыня, Сивова.

Казаки явились действенной силой в завершении войны, особенно с прибытием в марте 1811 г. нового главнокомандующего М.И. Кутузова. Под его началом и под командованием М.И. Платова они сражались в боях за Рущук, Никополь, Силистрию, при взятии укрепленного лагеря визиря Слободзен.

Русско-турецкая война закончилась 16 мая 1812 г. Ухарестским миром. Могущество султана было подорвано, когда, по мысли М.И. Кутузова, необходимо было скорее

сосредоточить силы России на одном фронте, против Наполеона. Таким образом, Турция была снята со счетов как противник России в самый критический момент: 12 июня 1812 г. наполеоновская армия вторглась в пределы России. Началась Отечественная война.

Дунайская армия и в её составе оренбургский и два уральских казачьих полка в конце июня влились в резервную армию генерала А.П. Тормасова, действовавшую на Волыни. До конца войны 1812 г. казачьи полки воевали с австрийскими и саксонскими войсками, участвовали в военных действиях при Любомле, Борисове и Молодечне, а затем вернулись снова на Днестр. И здесь оренбургские полки (1-й под командованием есаула Тиманова и 2-й под командованием есаула Гребенщикова) ещё 7 лет несли пограничную службу по кордону от Аккермана до Килийского устья Дуная и по Дунаю до устья реки Прут. Только в 1819 г. они возвратились домой.

В Оренбургский край известие о начале войны пришло в июле 1812 г. Были получены правительственные манифесты, которые, по словам С.Т. Аксакова, действовали «электрически на целую Русь». Из Оренбурга по всем направлениям — в уездные города, крепости, кантоны и станции — поскакали гонцы, развозившие тревожную весть. Оренбургский военный губернатор Г.С. Волконский (1742 — 1824) употреблял все средства для мобилизации народных сил. Образованный вельможа, друг М.И. Кутузова, много лет служивший под

началом полководцев Румянцева, Суворова и Репина, хорошо понимал, насколько важным для успеха в войне станут сознание и воля людей, одушевлённые ненавистью к врагу. Распространя царский манифест от 6 июля среди многонационального населения края на русском и татарском языках, он горячо призвал дворянство, казачество, башкир и калмыков стать единодушно под ружьё, а всем, кто в состоянии носить оружие, подготовиться к обороне. «Я остаюсь в полном уверенении, — писал он, — что всякий из подкомандующих ваших начальников и всякий их подчинённый, имея искреннее чувство и любовь к своему отечеству, потщится со всем усердием и ревностью на отражение и поражение врага».

Прежде всего власти должны были отправить в действующую армию воинские части и артиллерию, а также принять неотложные меры по мобилизации рекрутов, заготовкам лошадей и скота, продовольствия и фуража, по оснащению военных гарнизонов. Особое внимание было обращено на упорядочение и исправление в крае путей сообщения для беспрепятственного прохода больших партий рекрутов, кавалерийских и артиллерийских частей.

Среди населения проводился сбор пожертвований на нужды армии и в помощь бедным и потерявшим разорение от нашествия врага. Все пожертвования по Оренбургскому краю, выраженные в деньгах, составили 400 тысяч рублей ассигнациями. Горожане исправно и вовремя отправляли рекрутов, неopusкая недомок по наборам.

В период Отечественной войны Оренбургский край оказал государству мощную поддержку благодаря значительным экономическим ресурсам, которыми он располагал. В начале XIX в. это был район формиравшегося крестьянского земледелия и помещичьего землевладения, упорчившейся международной русско-азиатской торговли и крупной горнозаводской промышленности, сложившейся ещё в XVIII в. на феодально-крепостнической основе.

Основную массу производительного населения составляли русские и нерусские крестьяне различных категорий (государственные, крепостные — помещичьи и заводские, удельные, однодворнические и другие), а также казаки, башкиры, мишары, тейтяри и бобылы, наряду с пограничной службой занимавшиеся сельским хозяйством.

Значительную роль в военные годы сыграли ремёсла и промыслы. Географическая отдалённость края от торгово-промышленных и ремесленных городов страны и в то же время неразвитость общественного разделения труда у коренного населения способствовали развитию таких домашних промыслов, как кузнечный, гончарный, кожевенный, столярно-плотничьяй, сапожный, портняжный, пуховязальный, а также ткачество, добыча озёрной соли и т.д. У башкир женщины пряли шерсть, выделывали войлок, ткали холсты, армячину и сукна, обрабатывали кожи, шили мужскую и женскую одежду, сапоги и каты.

Наиболее важное значение для края имело крестьянское сукноделие. Власть поощряли его развитие

среди русских, башкир и тейтярей, что объяснялось слабой производительностью русской суконной промышленности.

Важнейшей отраслью хозяйства края, носившей характер специализированного промысла у башкир, мишарей, уральских, оренбургских казаков и входивших в Оренбургский край казахов, было скотоводство, особенно коневодство. Его развитию способствовали сама природа края, громадные ненаселённые просторы с неистощёнными целинными землями, кочевой уклад хозяйственной жизни и условия пограничной службы.

Правительство и военные ведомства возлагали большие надежды на Оренбургский край как на мощный источник снабжения лошадьми кавалерии, артиллерии, казачьих иррегулярных войск, обозов и конских резервов. Он представлял собой «наиспособнейшее место», где в XVIII в. из года в год покупались в армейские драгунские полки по 10 — 15 тысяч башкирских и казахских лошадей. Эти лошади, выносливые и быстрые, потребовались в неизмеримо большем количестве в начале XIX в. — в первых войнах с Наполеоном, а затем в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе.

Многолюдный Оренбургский край давал значительное пополнение армии. Русский солдат того времени — это прежде всего рекрут, являвшийся основой армии, главной и решающей силой войны. Рекрутскую повинность со времени её установления отбывали все податные сословия (горожане, государственные и крепостные крестьяне). Правительство

обычно предъявляло свои требования через власти не к отдельному лицу, а к целому обществу (волости, деревни). Власти определяли лишь общее число подлежащих к сдаче рекрутов, предоставляя сельским или городским обществам самим сделать выбор. С течением времени в каждом сельском обществе выработалась так называемая очередная система, основанная на крайне сложном и дробном учёте рабочей силы каждой семьи. Выбор рекрутов среди государственных крестьян часто зависел от богатеев и мирских властей. Что касается крепостных, то их отдавали в рекруты сами помещики по своему усмотрению.

Всякий рекрут, шедший в солдаты от государственных крестьян или горожан, должен был иметь полное обмундирование по установленному образцу и складочные деньги за счёт отдатчиков.

Во время войны правительство проводило рекрутские наборы один за другим.

Важное значение для экономики имела как внутренняя торговля, так и внешняя — с казахами и ханствами Средней Азии, сосредоточенная преимущественно на Оренбургском и Троицком меновых дворах. Кушчи-поставщики и подрядчики по договорам с казной закупали здесь в огромных количествах провиант, фураж и особенно лошадей, транспортируя всё это ближе к фронту.

Доходы края от торговли были относительно велики и устойчивы, особенно накануне и в год начала Отечественной войны 1812 г., когда в привозной и отвозной торговле на-

блюдался невиданный подъём. Годы войн с Наполеоном не могли приостановить торговое движение в крае. Скорее наоборот, географическая отдалённость и упадок западноевропейской торговли способствовали её усилению. Торговая продукция, поступающая от местных и среднеазиатских народов на громадный оренбургский рынок, приобрела в военные годы общероссийское народнохозяйственное значение.

Исключительно велика была роль горнозаводской промышленности края, основанной здесь в XVIII в. Из 146 заводов Урала и Приуралья в Оренбургской губернии в 1812 г. находилось 33 завода, в том числе 5 казённых и 28 частновладельческих. Урал давал стране до 8 миллионов пудов чугуна, т.е. 80% от общего его производства в России, и 200 тысяч пудов меди. На заводах Оренбургской губернии производилось 1 097 984 пуда чугуна и 690 102 пуда железа. Это составляло 22% промышленной продукции Урала и почти 18% чугуна и железа, производимого в стране. Некоторые заводы (Белорецкий, Юрюзань-Ивановский, Катав-Ивановский, Усть-Катавский, Златоустовский и другие), пользовавшиеся преимущественно трудом крепостных рабочих и приписных крестьян, доводили свою производительность до 100 тысяч пудов чугуна. Из заводов особенно выделялись чугуноплавильные и железодельные златоустовские (Златоустовский, Саткинский, Кусинский и Миасский) в Троицком уезде, принадлежавшие в конце XVIII в. частным предпринимателям, а в начале XIX в. перешедшие в казну.

Горнозаводская промышленность Южного Урала, входившего в состав Оренбургского края, интенсивно работала непосредственно на оборону, оснащая русскую армию лучшим оружием. Качество заводской продукции определялось и проверялось боевыми действиями на фронте.

На заводскую промышленность Оренбургского края приходилось по нарядам военного ведомства в 1812 г. около 21% и в 1813 г. — 18% всей продукции, выпускаемой заводами Урала. В 1813 г. она, помимо орудий, начала вырабатывать картечь, на 62% увеличила производство ядер и на 64% — бомб, уменьшив на 37% производство гранат (в сравнении с 1812 г.). Боеприпасы и орудия с заводов транспортировались обычно весенними караванами на Лашевскую и Дубовскую пристани. Отсюда они доставлялись водным путём в арсеналы центральных городов для отправления на фронт.

Таким образом, значительные хозяйственные ресурсы края в ходе Отечественной войны 1812 г. были использованы в полной мере.

Из Оренбургского края на Отечественную войну ушло около 40 тысяч рекрутов русского и нерусского населения. Где и когда действовали в армейских частях оренбургские рекруты, установить доподлинно невозможно. Более точные сведения имеются о передвижении и дислокации казачьих соединений. Оренбургское казачье войско выставило свыше 5 тысяч вооружённых и обмундированных воинов. Важную роль сыграли и уральские казаки, сформировавшие в 1811 — 1812 гг.

пять полков. Уральцы полностью вооружили и поставили под ружьё 2 590 казаков и 476 отставных и малолетних.

На Отечественную войну было выставлено около 30 пятистотенных национальных полков. Во время военных действий они находились обычно в соединении с русскими казачьими или кавалерийскими полками. Некоторые из них действовали совместно от начала и до конца войны, другие, влившись в русские армии в сентябре — октябре 1812 г., приняли участие в партизанской войне, контрнаступлении играничном походе.

Среди героических эпизодов Отечественной войны многие связаны с подвигами оренбуржцев. Так, уже 16 июня 1812 г. 1-й Тейпярский полк под командованием майора Тимерова, прикрывая под Вильно отходящие главные силы, сжёг мост и уничтожил вильненский арсенал, чтобы он не достался врагу. Тогда же, под Гродно, на Немане имел «лихое дело» Ставропольский калмыцкий полк. Редкое мужество проявил особый башкирский отряд, образованный атаманом Платовым из 200 отличившихся наездников; в сражении 27 июля между деревнями Молево-Болото и Летнею неприятель потерял свыше половины кавалерийского корпуса, а от лехотного полка осталось не более 100 человек.

В Бородинской битве мужественно сражался Оренбургский драгунский полк под командованием генерал-майора Дорохова. Девять офицеров этого полка получили знак отличия «За храбрость и неустрашимость». Примеры под-

линной отваги показывал водивший полк в атаку раненый офицер Дятков, представленный М.И. Кутузовым к награде. С тем же мужеством действовал этот драгунский полк и в дальнейшем.

С сентября 1812 г. оренбуржцы участвовали в великом контрнаступлении и в «малой войне», в партизанских операциях. Так, 21 сентября Денис Давыдов сообщал, что Тептярский полк, атакуя неприятеля, взял в плен 125 французов и фуру с артиллерийскими снарядами.

В Оренбурге о событиях на фронте узнавали из разных источников, в том числе из писем, которые главнокомандующий М.И. Кутузов присылал своему другу Г.С. Волконскому. Он писал 3 октября 1812 г.: «Спешу поздравить Ваше Сиятельство с победою и поставляю за особливую честь ускорить извещение о счастливом действии нашего оружия против врагов Отечества... Все случаи показывают настоящую гибель французов... за ужас и слёзы поселяя наших достойную получают плату, и воздух наш не заражён более врагами, но земля усеяна костями их. Вы не можете представить... радости и удовольствия, с каким все и каждый из русских воинов стремится за бегущим неприятелем, и с какою храбростью наши воины, в том числе казаки и некоторые башкирские полки, поражают их. Вчерашнего числа вновь взяты 21 пушка и более 3000 рядовых французской гвардии с генералами и 60-ю офицерами. Войска неприятельские доведены в невероятное состояние».

Фортуна покинула Наполеона, и его армия, считавшаяся непобедимой, была истреблена, пленена и добыта дубиной народной войны в России. Несмотря на его попытки собрать новые силы для продолжения войны и сохранения своего господства над Европой, его империя близилась к окончательному крушению.

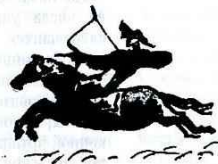
С целью укрепления победы в Отечественной войне и освобождения народов Европы русская армия в январе 1813 г. начала заграничный освободительный поход. В её составе из оренбуржцев, помимо рекрутированных солдат, были атаманский и пятисотенный полки оренбургских казаков, пятнадцать башкирских полков, два тептярских и один полк ставропольских калмыков.

Атаманский оренбургский полк, двигаясь через Нарву, Дерпт, Ригу, Митау и Кёнигсберг, 17 апреля соединился с блокадным корпусом генерал-лейтенанта Левиза, осаждавшего крепость Данциг. Её гарнизон, несмотря на численное превосходство, был вынужден сложить оружие и сдатьсь.

Другие полки, пройдя через Украину, влились в сформированную в герцогстве Варшавском армию генерала Беннигсена и 6 – 7 октября 1813 г. участвовали в «Битве народов», в штурме и взятии Лейпцига. Оренбургские казаки, находясь в отряде генерала Платова, участвовали в сражениях при Веймаре, Ганау и Франкфурте-на-Майне, а в летучем отряде генерала Чернышева вместе с калмыками Ставропольского полка брали Берлин.

С января 1814 г. оренбуржцы действовали на французской территории в казачьем отряде генерал-майора Шербатова, в корпусе генерала Остен-Сакена, в партизанском отряде А.Н. Сеславина, который проводил операции во вражеском тылу. Вместе с союзными войсками они, как выразился В.О.Ключевский, «сострадательною рукою» взяли Париж, а затем, сдав 3 июня 1814 г. караулы французской национальной страже, вернулись в Россию.

Время, истекшее с тех пор, не уменьшило исторического значения Отечественной войны 1812 г. Действовавшие тогда животворные силы проявились в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг., когда мужественный образ далёких предков вдохновлял народ на величайший боевой и трудовой подвиг. Хотя недопустимо механически сопоставлять две грозные войны, происходившие в обстановке столь разных эпох, нет сомнения, что существенное сходство между ними состоит в их справедливом, национально-освободительном характере.

Владимир СЕМЁНОВ

ОРЕНБУРЖЦЫ — ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Владимир Геннадьевич Семёнов родился в 1960 году в селе Старая Тепловка Бузулукского района Оренбургской области. Окончил Оренбургский государственный педагогический институт, в настоящее время заместитель заведующего кафедрой истории Отечества Оренбургского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук. Область научных интересов — военная история Оренбургского края, история Оренбургского казачьего войска. Автор свыше 60 работ, постоянный автор альманаха «Гостинный Двор».

ОРЕНБУРГСКИЕ ДРАГУНЫ

Драгунский полк был сформирован в 1784 году. В Бородинской битве он участвовал в районе батареи Раевского, которая наряду с Багратионовыми флешами была одной из самых горячих точек решающего момента Бородинской битвы. Полк действовал под командованием генерал-майора **Степана Васильевича Дяткова** в составе 3-го кавалерийского корпуса 1-й армии Барклая де Толли.

Вот выдержка из отчёта командующего 1-й армией от эпизода 26 августа (по старому стилю) — третьего дня битвы: «Полки Сумский, Мариупольский, Сибирский, Иркутский и Оренбургский последовали за ним (авангардом — В.С.) ... Тогда началась кавалерийская битва из числа упорнейших, когда-либо случавшихся. Неприятельская и наша конницы попеременно друг друга опрокидывали, потом они строились под покровительством артиллерии и пехоты, наконец успели с помощью конной артиллерии в обращении неприятельской кавалерии в бегство.

Она совершенно отступила от поля сражения».

А это строки из рапорта генерала Ф.К. Корфа: «26 августа Г.М. Дорохов, командовавший кавалерией, состоящей из нескольких полков, нашёл, что неприятельская кавалерия в превосходстве начинает окружать нашу пехоту и батарею. Выстроясь немедленно, ударил он поспешно с Оренбургским драгунским полком в середину, а с Мариупольским гусарским и Курляндским драгунским полками во фланг неприятельской кавалерии, которая быстротой сей атаки была опрокинута и прогнана до самых их батарей».

В этом бою командир 3-го корпуса был ранен шесть раз, под ним убита две лошади. Ранены были также два его адъютанта, саблей был ранен командир полка генерал-майор Степан Васильевич Дятков. За отличие в Бородинском сражении Дятков был отмечен орденом Святого Владимира 3-й степени. Как свидетельствуют документы, Дятков «*подавал Оренбургскому драгунскому полку пример храбрости и вёл сам полк в атаку, причём был тяжело ранен*». Штаб-ротмистр Оренбургского драгунского полка Лев Васильевич Соколов в Бородинском сражении был ранен в правое и левое плечи саблём.

Многие портреты героев Отечественной войны 1812 года представлены в Военной галерее Зимнего дворца. Среди них есть и те, чьи судьбы тесным образом были связаны с Оренбуржьем. К ним, в частности, относится **Василий Дмитриевич Рыков**, прослуживший в Оренбур-

ском драгунском полку шестнадцать лет. Первый раз в военной поход Василий Рыков выступил в ноябре 1806 года на русско-прусско-французскую войну командиром Лифляндского драгунского полка в составе кавалерийской бригады 8-й дивизии, которой командовал генерал-майор граф П.К. Эссен 3-й. К этому времени Рыков находился уже в звании подполковника. Несколько раз вёл свой полк подполковник Рыков в атаки во время битвы под Фридландом (2 июня). За отличие в бою у Вольфсдорфа Рыков был отмечен орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом, а по заключении тильзитского мира и возвращении с полком в Россию был произведён в полковники. В 1810 году за участие в бою против турок под Базарджиком полковник Рыков получил ещё одну награду — орден Святого Владимира 3-й степени. Затем были бои у Янинобазара, позже — у крепости Шумла. Особенно отличился Лифляндский драгунский полк в сражении 23 июля. За этот бой В.Д. Рыков был награждён орденом Святого Георгия 4-й степени, а оба полка — серебряными Георгиевскими трубами.

Полковник Рыков участвовал во многих сражениях Отечественной войны: 11 сентября 1812 года под Павловичами и Локачами, 14-го под Любюмлем, 29-го под Брест-Литовском, 16 ноября во время переправы Наполеона через Березину у Стахова и Бриля, 17 мая 1813 года под Кенигсвартою, а 8 и 9 мая под Бауценом. Адмирал Чичагов, под началом которого находилась с мая 1812 года армия Кутузова, с большой

похвалой отзывался о полковнике Рыкове. В своём донесении императору адмирал отмечал его «благоразумную расторопность и особенное усердие» во время боя 16 ноября и исходатайствовал ему орден Святой Анны 2-й степени.

19 мая 1813 года полковник Рыков становится комендантом главной квартиры армии Барклая де Толли. Тогда же ему было поручено командование над конвоем главной квартиры. Несмотря на свою штабную должность, он вновь участвует в боях под Дрезденом, Кульмом, Лейпцигом и Парижем. За отличие в бою за Дрезден по ходатайству Барклая де Толли был награждён орденом Святой Анны 2-й степени, но уже с алмазами, за Лейпцигское сражение чином генерал-майора, а за Париж вновь «Высочайшим благоволением». Кроме того, прусский король наградил его орденом «За заслуги».

В июле 1814 года генерал Рыков вместе с армией находился в Варшаве, а после побега Наполеона с острова Эльбы вновь с войсками вошёл на территорию Франции. Во время возвращения нашей армии из заграничного похода 1 декабря 1815 года в Полоцке Рыков назначается командиром 3-й бригады 1-й Уланской дивизии.

За подвиги в Бородинском сражении награждён золотой саблей с надписью «За храбрость». Полк потерял: убитыми 8, ранеными 22, пропавшими без вести 16 человек.

В сражении на Бородинском поле отличился также Уфимский пехотный полк, сформированный в Оренбургском крае и входивший в

6-й армейский корпус генерала Дохтурова. По воспоминаниям А.М. Ермолова, бой, в котором участвовал Уфимский полк, «яростный и ужасный»; не продолжался и более получаса; продолжаться (французам — В.С.) встречено отчаянное, возвышение отнято, орудия возвращены и не было слышно ни одного ружейного выстрела».

В Бородинской битве в составе казачьего корпуса генерала М.И. Платова действовали также 1-й Башкирский, 1-й Тейтарский и Ставропольский калмыцкие полки. Корпусу удалось совершить глубоко охватывающий фланговый маневр в тыл армии Наполеона, вышел к обозам и встревоженный император, в один из самых критических моментов сражения он был вынужден оттянуть на отражение казачьего корпуса часть сил. Этим был ослаблен напор французов на главных направлениях.

Из других многочисленных эпизодов, свидетельствующих о патриотическом подъёме того времени, нельзя не упомянуть о поступке **Серебрякова**, атамана Нагайбакской станицы Оренбургского казачьего войска, который в 1812 году продал собственный дом и на вырученные средства снарядил на войну 53 казака.

ГУБЕРНАТОРЫ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ

Николай Николаевич Бахметев участвовал в боях со шведами, а что в 1790 году получил чин прапорщика. В 1797 году он был произведён в полковники, 30 мая 1798 года —

в генерал-майоры с назначением шефом Рязьского мушкетёрского полка. Назначение оренбургским военным губернатором состоялось 30 сентября 1798 года. 14 декабря 1803 года был уволен в отставку, а 20 мая 1811 года вновь принят на службу и 28 августа того же года назначен смоленским военным губернатором. 23 марта 1812 года Н.Н. Бахметев был назначен начальником сводно-гренадёрской дивизии 1-й Западной армии, 22 апреля 1812 года стал начальником 11-й пехотной дивизии в составе 4-го пехотного корпуса. Сражался при Островне, Смоленске и Бородино, где был тяжело ранен в ногу. Николай Николаевич Бахметев — брат Алексея Николаевича Бахметева, начальника 23-й пехотной дивизии. Это подразделение также входило в состав 4-го пехотного корпуса 1-й Западной армии. После излечения Н.Н. Бахметев перешёл на гражданскую службу.

Василий Алексеевич Перовский

Окончив Московский университет со степенью кандидата, молодой Перовский поступил в Муравьевскую школу колонновожатых и был выпущен прапорщиком в 1811 году. В 1812 году он был адъютантом командующего армией генерала от инфантерии Милорадовича. Василий Алексеевич состоял в арбергарде 2-й армии, которой командовал Баграцион. В Бородинской битве ему пулей оторвало указательный палец на левой руке, почему он и носил потом длинный наконечник-напёрсток. За отличие в сражении под Бородино Перовский был награждён орденом Владимира 4-й степени с бантом.

Второго сентября 1812 года, при отступлении русских войск из Москвы, Перовский с двумя казаками по чистой случайности был задержан французами во время переиерия и отправлен к королю Неополитанскому — Мюрату, остановившемуся в Москве и якобы пригласившему к себе для беседы русского офицера. Мюрат принял Перовского, с удивлением выслушал его, но разрешение вернуться не дал. Для Перовского начался плен со всеми его ужасами и бесконечными унижениями. Находясь во Франции, Василий Алексеевич бежал из Орлеанского лагеря в Париж только в 1814 году, когда туда уже вступили русские войска. В своих незаконченных воспоминаниях он писал: «Надо быть в плену, и вытерпеть то, что вытерпел, чтобы понять чувство надежды через несколько минут быть среди соотечественников и на свободе». Вскоре Перовский был зачислен в Гвардейский генеральный штаб, затем переведён в лейб-гвардии Егерский полк. По окончании войны был зачислен в гвардейский Генеральный штаб и некоторое время служил адъютантом генерала Голенщикова-Кутузова.

Пётр Кириллович Эссен

Во время отступления Наполеона казаки отбили у французского штаба коляску с документами. Среди прочих бумаг обнаружались заметки о русской армии и её военачальниках, собранные за год адъютантом французского посла в России де Лонгерю. Заметки эти впервые были опубликованы в 1906 году военным историком П.Н. Симанским, в них — кратко, но весьма точные, по мнению специа-

листов, характеристики 58 генералов и высших офицеров русской армии. Что для нас особенно интересно, значился здесь и будущий оренбургский военный губернатор Пётр Кириллович Эссен. Вот его краткий словесный портрет, сделанный французским разведчиком: «*Генерал Эссен — 3 Пётр Кириллович, 38 лет, начальник 8-й пехотной дивизии, хороший генерал и очень храбрый под огнём; всегда употребляемый для действительной службы. Имеет достаток*». Следует отметить, что не все генералы, указанные наполеоновским резидентом, удостоились столь лестной оценки.

Широкое поле деятельности открылось для молодого генерала в 1799 году. Находясь со своим полком в корпусе генерала Римского-Корсакова в Швейцарии, Эссен мужественно дрался с французами и за отличия в боях был награждён орденом Святой Анны 1-й степени, а в январе 1800 года произведён в генерал-лейтенанты. Будучи начальником 8-й пехотной дивизии, с которой он принял участие в войне с Францией в 1806—1807 годах, во всех сражениях показал себя храбрым и распорядительным командиром. В сражении под Рейншпай-Эйлау его дивизия захватила восемь орудий, два знамени и около 1000 пленных, за что Эссен был награждён орденами Святого Георгия 3-й степени и Святого Владимира 2-й степени, а прусский король наградил его орденом Красного орла 1-й степени.

С началом наполеоновского нашествия Эссен снова воюет против французов, героически сражается

под Горностаевичами, Березиной и Волковском. За свои подвиги награждается ещё одной золотой шпагой с надписью «За храбрость». После окончания войны и возвращения из Франции сорокачетырёхлетний генерал-лейтенант Пётр Кириллович Эссен был назначен оренбургским военным губернатором, управляющим гражданской частью, командиром отдельного Оренбургского корпуса и начальником пограничного края.

Павел Петрович Сухтелен боевое крещение получил в 1805 году, приняв участие в первом походе против Наполеона в составе 4-го эскадрона своего полка. В исторической битве под Аустерлицем, в которой эскадрон Сухтелена отражал нападение левого крыла французской армии, он был серьёзно ранен сабельным ударом в голову и осколком ядра в правую ногу, а в довершение бед вместе со своим командиром князем Репниным попал в плен. Наполеон, случайно повстречав пленных, заметил семнадцатилетнего Сухтелена и сказал: «*Ого! Так молод и вздумал потягаться с нами!*» На что Сухтелен находчиво возразил известным стихом из трагедии Корнеля «Сид», звучащим в переводе примерно так: «*Я действительно молод, но молодость не мешает быть храбрым*». Ответ понравился Наполеону, и он повелел запечатлеть эту сцену на картине. В 1806 году, после обмена пленными, Сухтелен возвратился в Россию и за участие в Аустерлицком сражении был награждён золотой шпагой и произведён в поручики, а в 1807 году вновь поступил в действующую армию.

Следующие несколько лет Сух-

телен провёл в почти непрерывных сражениях: сначала против шведов, затем в русско-турецкой войне 1809-1812 гг. В конце 1811 года ротмистр Сухтелен с дипломатическим поручением был направлен в Лондон, откуда возвратился только зимой 1812 года, когда Наполеон уже отступал к западной границе. Но повезло он ещё успел — и при Березине, и при взятии Берлина, и в других сражениях. В битве под Зегаузенем (20 февраля 1813 года) Сухтелен был вновь тяжело ранен (в левую руку). По заключении Парижского мира Сухтелена командировали в Швецию, где он состоял при штабе наследного принца во время его похода в Норвегию, а затем на Венский конгресс. После пленения Наполеона и ссылки его на остров Святой Елены Сухтелен короткое время управлял Обским департаментом Франции. В Россию герой вернулся в декабре 1815 года генерал-майором, командиром 1-й бригады 2-й гусарской дивизии, кавалером орденов Святой Анны 2-й степени, Святого Георгия 4-й степени, Святого Владимира 3-й степени, прусского Красного орла 3-й степени и прусского же «За заслуги», шведского ордена «Меча», французского Святого Людовика.

Обручев Владимир Афанасьевич — потомственный дворянин, сын военного инженера генерал-майора А.Н. Обручева. Благодаря отцу, в двенадцатилетнем возрасте поступил юнкером в инженерный корпус. Выпущен подпоручиком в 1808 году. Во время Отечественной войны 1812 года состоял адъютантом при генерал-майоре Дибиче (впослед-

ствии генерал-фельдмаршале) и награждён за отличия орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом. За боевые отличия в 1813 при Чашниках был переведён в лейб-гвардию Преображенский полк; за Бауцен награждён золотым оружием.

АТАМАНЫ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

В Отечественной войне деятельное участие принимали атаманы Оренбургского казачьего войска генерал-майоры: Егор Николаевич Тимашев, Адам Григорьевич фон Энгельгардт 4-й, Адольф Адамович Гельд, Николай Васильевич Шуцкий, Владимир Порфирьевич Молоствов, граф Николай Егорович Цуцок. Славные боевые командиры — В.А. Углицкий, А.А. Гельд, Н.В. Шуцкий, В.П. Молоствов участвовали в боевых эпизодах Отечественной войны и Бородинском сражении.

Василий Андреевич Углицкий (1766 — 1822) возглавил атаманский тысячный полк, который в октябре 1812 года выступил из станицы Бакалинской с 3-м пятисотенным полком к Нижнему Новгороду, откуда был направлен в С.-Петербург. 4 марта 1813 года отправился через Ригу на Тильзит. В составе блокадного корпуса герцога Вюртембергского участвовал в осаде крепости Данциг. За оказанные там подвиги 17 и 21 августа 1813 года получил орден Святой Анны 2-й степени. 10 марта 1820 года был произведён в генерал-майоры.

Владимир Порфирьевич Молоствов (1794 — 1863), генерал-майор

(1831), был не только участником Отечественной войны 1812 года, но и заграничных походов русской армии. За боевые отличия имел награды: ордена Святого Владимира 3-й степени, Святого Владимира 4-й степени с бантом, Святой Анны 3-й и 4-й степени, золотую шпагу с надписью «За храбрость»; медаль «В память Отечественной войны 1812 года», «За взятие Парижа» и другие.

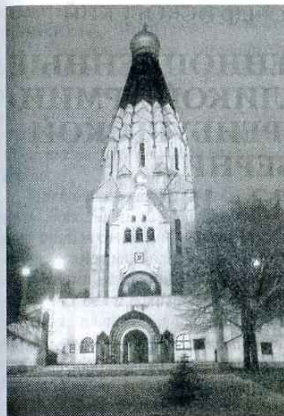
Николай Васильевич Шуцкий (1777 — 1839), генерал-майор. Участвовал в Отечественной войне, состоя на службе в Оренбургском уланском полку. В сражениях 24 и 26 августа 1812 года при Бородино был ранен ядром в левую ногу с раздроблением кости и повреждением сухих жил. За оказанные в сражениях отличия был награждён орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом, а за отличие в сражении 26 августа 1812 года чином подполковника. По выздоровлении от раны находился с резервными эскадронами в герцогстве Варшавском и был командирован в польскую армию, находившуюся при блокаде крепости Гамбург. 22 января 1819 года был назначен командиром Кинбурнского драгунского полка, а 6 декабря 1827 года произведён в генерал-майоры.

Егор Николаевич Тимашев (1791 — после 1849), генерал-майор, командующий Оренбургским казачьим войском (19 апр. 1822 — 25 июня 1830). Участвовал в сражениях Отечественной войны 1812 года, заграничных походах русской армии (1813 — 1814). В 1812 году сражался под Бородино, Витебском, Смоленском;

в 1813 году — под Дрезденом; в генеральном сражении под Лейпцигом; в 1814 году — под г. Арельсон, Бельгард, Петивьер, Провансом и др.

Адольф Адамович фон Гельд (1778 — ?), генерал-майор (1829), командующий Оренбургским казачьим войском. В Отечественную войну 1812 года в составе арьергардных отрядов прикрывал отступление русской армии из Москвы, сражался с французами в боях у Малоярославца (12 октября) и Вязьмы (22 октября) и др. В ноябре 1812 года отличился в боях под Красным, захватил неприятельские орудия. Участник заграничных походов русской армии 1813-1814 гг. и 1815 года (переход до Рейна, блокада крепости Майнц, взятие Парижа 18 (30) марта 1814 г.). Награждён орденами Святого Владимира 4-й степени с бантом, Святой Анны 2-й степени.

Цукато Николай Егорович (1794 — 20.04.1867), генерал от кавалерии (1861), граф, атаман Оренбургского казачьего войска. В Отечественную войну 1812-го — в лейб-гвардии Финляндском полку. Участвовал в сражениях под Тарутином, Княжным, Малоярославцем и Красным, награждён золотым оружием. В 1812-м в чине поручика переведён в лейб-гвардии Вольнский полк, капитан. За кампанию 1812 года Цукато был награждён золотым оружием. При сформировании лейб-гвардии Вольского полка в 1812 году Цукато в чине поручика был переведён в этот полк, где уже через 13 месяцев получил чин капитана, а 17 января 1820 года вышел в отставку с чином полковника.

Войнам, погибшим во время заграничного похода русской армии в 1813 году, посвящён Свято-Алексиевский храм — памятник Русской Славы в Лейпциге. Необходимость сохранения статуса памятного места на земле, где произошло Лейпцигское сражение, побудила Россию возвести этот храм. Пожертвования на него собирались с 1907 года как в России, так и в Германии. Закладка храма состоялась 15 (28) декабря 1912 года, в год 100-летия Отечественной войны 1812 года. Освящён храм был в октябре 1913 года. 16 октября 1913 года в крипту храма с воинскими почестями были перенесены останки российских солдат и офицеров, погибших в Битве народов.

В 1913 году оренбургские казаки преподнесли в дар Свято-Алексиевскому храму икону святого великомученика Георгия Победоносца в большом резном киоте.

Александр Евгеньевич Исковский родился в 1964 г. в Оренбурге. Окончил Оренбургский государственный медицинский институт. Врач-реаниматолог. Увлекается историей и краеведением, автор справочника «Домовладельцы города Оренбурга, 1878 г.», публикации в альманахах «Оренбургская старина», «Гостинный Двор». Живёт в Москве.

Александр ИСКОВСКИЙ

ВОЕННОПЛЕННЫЕ «ВЕЛИКОЙ АРМИИ» В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (1812 – 1814 гг.)

Интересной и содержательной работой по пребыванию военнопленных французов и нефранцузов в Оренбургской губернии, а как известно, «Великая Армия» состояла из наёмных солдат, в большинстве уроженцев Пруссии, является работа П.Л. Юдина, опубликованная в журнале «Русский архив» в 1896 г. (кн. 3, с. 5-33) под названием «Ссылные 1812 г. в Оренбургском крае. К истории Отечественной войны».

К гордости автора и чести французов, не забывших своих соотечественников, во Франции в 1898 году в г. Шатодэн статья была переведена и издана в виде брошюры.

Некоторые эпизоды из жизни военнопленных описаны в работе оренбургского историка П.Е. Матвиевского «Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г.»¹

Но в целом пребывание в Оренбургской губернии военнопленных французской армии после Отечественной войны 1812 года до на-

стоящего времени исследовано недостаточно.

Практически нет сведений о населённых пунктах, где находились военнопленные, пути их следования, бытовых условиях, взаимоотношениях с населением, происшествиях, редко называются имена.

Настоящая статья преследует цель дополнить уже существующий опубликованный материал новыми, возможно, более подробными сведениями на основе исследования архивных дел и показать пути следования пленных наполеоновской армии по Оренбургской губернии, места квартирования, назвать имена военнопленных, события, с ними происходившие, дать представление об условиях содержания конвоируемых.

Для сохранения известной доли историчности и документальности повествования архивные сведения, представленные в статье, следуют в календарном порядке, уступая место материалам современных историков лишь по необходимости.

Можно задать вопрос: «За чем военнопленных наполеоновской армии перемещали в Оренбургскую губернию?» И получить довольно пространный ответ из текста циркулярного Указа² № 239 «О пленных французах» из Особенной Канцелярии Министра Полиции от 29 августа 1812 г. оренбургскому гражданскому губернатору, где говорится:

«...По предмету отправления, размещения и содержания французских пленных... 1) для жительства

пленных, как нижних чинов, так и офицеров, назначены губернии: Астраханская, Пермская, Оренбургская, Саратовская, Вятская... 3) ...чтобы снабжены были одеждой и обувью соответственно времени года; 4) пленных, которым в дороге приключится болезнь, отдавать для излечения в городские больницы... 5) под экипаж и провиант ... давать на каждые 12 человек по одной обывательской подводке; 6) на содержание пленных назначено в сутки: генералам по 3 руб., подполковникам и подполковникам по 1 руб. 50 коп., майорам по 1 руб., обер-офицерам по 50 коп., унтер-офицерам, рядовым и нижним нестроевым чинам по 5 коп. и сверх того провиант противу солдатских дач... 9) размежили их на жительства не только в одних губерниях, но и в уездных городах... при строжим надзоре со стороны полиции... никакою ни с кем переписки иметь не позволять; денежная дача производима им... на каждые семь дней вперёд».³

В действительности же причины перемещения огромных масс военнопленных в глубь Российской империи прозаичны и имели цель обезопасить русскую армию, численность которой была меньше французской более чем вдвое, от возможных «неприятностей» со стороны пленённых, таких как побег на сторону неприятельских войск, захват оружия и т.п. Поэтому военнопленных конвоировали в удалённые губернии, откуда и убежать трудно, и жители настороженно относились к чужакам, а уж к иностранцам тем более. На местах

И. Праннишников. Французы в 1812 г., пленённые ополчением

военнопленные использовались на хозяйственных работах, владеющие профессиональными навыками привлекались на работы на фабриках, заводах. Так, в Оренбургской инженерной команде были и пленные французские офицеры.

Датой начала отправки военнопленных французской армии в Оренбургскую губернию можно считать 23 августа 1812 года,⁴ когда из Москвы князю Г.С. Волконскому, оренбургскому военному губернатору, было направлено предписание Главнокомандующего генерала от инфантерии графа Раstopчина о доставке из Владимира в Оренбург двух партий военнопленных. В первой партии насчитывалось 14 обер-офицеров, 919 человек нижних чинов и 9 дезертиров, а во второй партии 15 обер-офицеров, 492 человека нижних чинов. В предписании предлагалось разместить пленных

по «квартирам», что подразумевало определение на постой к обывателям и по казармам, а также требовалось установить надзор за ними. Содержание военнопленных производилось на деньги Оренбургской Казённой палаты, а Провиантскому Депу указано выдавать питание пленным в той же мере, как и российскому солдату.

Следующая партия военнопленных была направлена в Оренбург московским комендантом генералом-лейтенантом Гессе 27 августа 1812 года. Репортом г-н Гессе уведомил оренбургское начальство об отправке из Москвы 1-го полковника, 5-ти обер-офицеров, 293-х человек нижних чинов. В трёх партиях насчитывалось 1743 человека.

Как оказалось, количество «квартир» в Оренбурге для поселения пленных недостаточно, поэтому было приказано распределить военноплен-

ных французов по крепостям Оренбургской линии. В каждой крепости для надзора определено по 50 казаков или башкирцев, для покупки фуража назначено по 8 и 1/3 копейки на лошадь, «а башкирцам вместо провианта по 1 рублю в месяц»⁵. Провиантской комиссией 12 сентября 1812 г. рапортом №2991 было пред-

писано сделать запасы хлеба, т.е. зерна, на будущий 1813 год.

На содержание в крепости Оренбургской губернии военнопленные определялись в зависимости от населённости местности и наличия казаков, не ушедших с летней службы, финансирование назначалось уездному казначейству.

Предполагаемое количество военнопленных, определённых в крепости

крепость	офицеры	н/чины	место довольствия
Верхнеозёрная	1	100	Оренбургское уездное казначейство
Верхнеуральск	2	130	Верхнеуральское казначейство
Гурьлинская	1	75	Оренбургское уездное казначейство
Звериноголовская	2	100	Троицкое уездное казначейство
Илецкая Защита	2	100	Оренбургское уездное казначейство
Кизильская	2	100	Верхнеуральское казначейство
Красноярская	1	60	Оренбургское уездное казначейство
Крутойарская	1	100	Троицкое уездное казначейство
Магнитная	3	185	Верхнеуральское казначейство
Нижнеозёрная	1	75	Оренбургское уездное казначейство
Оренбург (дезертиры)		38	Оренбургское уездное казначейство
Орская	2	100	Верхнеуральское казначейство
Петропавловская	2	100	Верхнеуральское казначейство
Рассыпная	1	75	Оренбургское уездное казначейство
Стенная	2	100	Троицкое уездное казначейство
Танальцкая	3	113	Верхнеуральское казначейство
Татищевская	1	65	Оренбургское уездное казначейство
Троицк	2	130	Троицкое уездное казначейство
Ургазынская	1	50	Верхнеуральское казначейство
Усть-Уйская	1	100	Троицкое уездное казначейство
Чернореченская	1	57	Оренбургское уездное казначейство

Начальник Владимирского ополчения генерал-лейтенант князь Голицын выслал 11 сентября 1812 г. из г. Покрова рапорт, полученный в Оренбурге 26 сентября 1812 г.

Сообщалось об отравленных из Владимира в Оренбург четырёх партиях военнопленных французов, из которых три под ковоем Владимирского ополчения и одна под ковоем Смоленского.

В сентябрьской партии № 1 находилось 17 дезертиров, 174 человека нижних чинов под «командою г-на поручика Макарова». Партия пленных № 2 состояла из 12 пленных офицеров, 848 человек нижних чинов, 4 дезертиров «под командою г-на подполковника Языкова». Партия № 3 насчитывала 15 офицеров, 465 человек нижних чинов «под командою г-на капитан-лейтенанта Булыгина».

Под ковоем Смоленского ополчения шла по просторам России партия пленных № 4 в составе 135 человек нижних чинов, 17 дезертиров «под командою прапорщика Камсена».

Владимирская Казённая палата снабдила первую партию военнопленных и конвойную команду кормовым и порционным довольствием до 15 ноября 1812 года, т. е. до предполагаемой даты прибытия в город Оренбург. Вторая и третья партии пленных получили питание до города Симбирска, где конвой менялся, по 5 и 6 октября соответственно. Четвертая партия была снабжена довольствием по 11 октября также до Симбирска.

Маршрут движения всех четырёх партий пролегал из Владимира и Смоленска до Симбирска, затем в Самару, Бузулук, Оренбург. Рас-

стояние от Симбирска до Самары колонны пленных преодолевали пешком, в зависимости от погодных условий, за 8 – 10 дней.

В сентябре 1812 года губернаторы получили «циркулярное» предписание из Особенной Канцелярии Министра Полиции, начинающееся словами «*доходятся слухи, что партии французских пленных на пути чрез места, чрез которые прождаются, чинят разные обиды обывателям, оказывают неповиновение конвойным командам*», и высказывалось требование «*предписать строжайше земской полиции ... потребить все зависящее от нее меры к прекращению подобных беспорядков, отдавая под стражу... нарушителя порядка*».

Во многом Оренбургская губерния не была готова принять значительное число военнопленных, не хватало питания, помещений, солдат для надзора. Видимо, по этой причине в Оренбурге предполагалось принять наименьшее число военнопленных, лишь 38 человек.

Командант Чернореченской крепости капитан Попов 22 сентября 1812 г. подал рапорт № 208, где в ожидании пленных так описывает положение в крепости: «*из числа состоящих... при лагере и Рычковском форте 12-го Башкирского кантона баширцев со времени... вступления в летнюю службу и по сие время... находится больных 14, на форте 24 человека, итого 38. ...многие из них к скорому выздоровлению вовсе безнадежны, чтобы не было на них из казны за провиант денег, а для лошадей из приготовленного на зиму сена излишнего и*

М. П.

Особенная Канцелярия
Министра
Полиции.

3д. Столь.

Сентябрь 1812.

№.

О препровождении
пленных.

Доходятъ сюда частые слухи, что партии Французских пленныхъ испусти чрезъ мѣста, чрезъ которыя прождаются, чинятъ различна обиды обывателямъ, оказываютъ неповиновение къ конвойнымъ командамъ, самовольно ополчаются и разными бунтами и неспосовыми поступками вселяютъ страхъ въ поселенныхъ и возмущаютъ ихъ спокойствіе. Увѣжая сколь погубны быть могутъ послѣдствія сими подобныя безпорядка и усиливая, прошу Ваше

убѣдительнѣе предписатьъ строжайше земской полиціи, по вѣрному вамъ Губернатору и трибунѣ всѣ зависящія отъ нея меры къ прекращенію подобныя беспорядковъ, отдавая подъ стражу первыхъ нарушителей порядка или осязливыхъ; но, при томъ прошу такъ же привязать изслѣдованіе не дѣлающихъ ли партионные феліеры какіхъ злоупотребленій, относительно произвольнаго отпущаея конвойныхъ командъ и паче крестьянъ, для провЖДенія пленныхъ назначаемыхъ, и о бо всемъ, что по сему предмѣту спикрется, благоволивъ меня увѣдомишь.

Главнокомандующій въ С. Петербургѣ.

Подпись: *В. М. М.*

напрасно употребленія... половину часть отправить в кантон».

Троицкий командант подполковник Феофилачев, ожидая прибытия 132 военнопленных, направил 13 октября 1812 года рапорт № 861 губернатору Г. С. Волконскому, которым сообщил «относительно пленных французов... что казарм в Троицке не имеется, по квартирам же обывательским расположить всех будет очень жителям тяготибельно по случаю квартирования двух рот Троицкого батальона,

...испрашиваю Вашего сиятельства... приказать когда доставятся оные пленные... поместить в батальонный лазарет Троицкого гарнизонного батальона... к присмотру... при оном составить караул из иррегулярных войск с прибавлением к ним из оставших солдат...»

Командант крепости Татищевой майор Дударь 27 октября 1812 года подал на имя губернатора Г. С. Волконского рапорт № 570, где указывает, что к прибытию военнопленных французов не хватает повозок, по-

В. Верещагин. Отступление

скольку во второй партии пленных более 1000 человек, для которых нужно не менее 200 подвод.

Конвоируемые пленные «Великой Армии» направлялись в глубь России по почтовым трактам. В Оренбургскую губернию основная их масса проходила «транзитом» через Симбирск и Самару. Среди конвойных и пленных в пути начинались болезни.

В октябре 1812 года в Самаре был организован своеобразный санитарно-пропускной пункт, куда из Оренбурга был направлен дивизионный доктор надворный советник А. Пятницкий для выяснения «признаков прилихвой и заразной болезни», с целью отделить «больных от здоровых».

Оренбургская полевая аптека снабдила доктора Пятницкого по его требованию нужным количеством медикаментов, с которыми он и выехал навстречу военнопленным французам для освидетельствования. При-

быв в Самаре, он обнаружил, что по пути в Оренбург через Волгу умерло «скорострительно» до 20 человек военнопленных.

Тем временем, с небольшим опозданием в пути, в Симбирск прибыли четыре партии пленных. Симбирская Казённая палата 21 октября 1812 года уведомила оренбургского губернатора Г.С. Волконского о выдаче казенных денег на содержание военнопленных до Оренбурга. Поручик 6-го полка 1-го батальона Владимирского ополчения Макаров, командир 2-й конвойной партии пленных французов до Оренбурга, оставил по болезни в Симбирске и Бузулуке по 2 человека, по пути в команду умерло 8 пленных. Поручик Макаров сообщил рапортом от 28 октября о прибытии в Оренбург 1 ноября 1812 года.

9 октября 1812 года прибыла в город Казань следующая в Оренбург партия военнопленных французов под командованием штабс-капитана

Станкевича.³ А уже 19 октября того же года, оставив в военном госпитале более 60 человек, вышла по Симбирскому тракту из Казани в Оренбург. В ноябре, по мере выздоровления, оставшиеся в Казани пленные отправлялись далее, к месту назначения – в Оренбург.

По этому поводу оренбургский губернатор Г.С. Волконский 20 ноября 1812 г. был извещён казанским гражданским губернатором Борисом Мансуровым о доставленных из Казанского военного «госпиталя» выздоровевших 15 военнопленных французов, которых по времени года одели в полушубки, панталоны и под присмотром Казанского гарнизонного полка унтер-офицера Карпова с двумя рядовыми конвоя направлены в Оренбург. 31 октября 1812 года отправлены в Оренбург со списком от казанского гражданского губернатора Мансурова «при открытом листе» 10 пленных, а 15 ноября ещё 14 французов. В Казанском госпитале 3 человека умерло, 6 осталось на лечении.

Наступившие в ноябре холода заставили команду Станкевича остановиться на постой в Бугульминском уезде. Станкевич 12 декабря 1812 года доложил о своём прибытии бугульминскому земскому исправнику Алфёрову. Команда пленных остановилась в городе Бугульме, среди которых насчитывалось до 70 человек «ослабленных».

Партия военнопленных под командованием штабс-капитана Станкевича квартировала в деревне Куваче Бугульминской округи. Пленные находились в Куваче более месяца, среди них – граф Трухсен-Валбургский, полков-

ник Королевского Вюртембургского 3-го конно-егерского полка. Он обратился к оренбургскому военному губернатору с просьбой выдать денежное довольствие, которое не выдавалось более 33 дней, провиант, улучшить условия содержания военнопленных. Для себя полковник просил разрешение прибыть в Оренбург с адъютантом Бацем и солдатом для поправки здоровья. В просьбе графу Трухсен-Валбургскому губернатор отказал.

Из Самары дивизионный доктор Афанасий Пятницкий направился в Бузулук, где 31 октября 1812 года осмотрел вторую партию пленных под командованием подполковника Языкова.

В статье «Военнопленные армии Наполеона в Симбирской губернии в 1812 – 1814 гг.» о партии под командованием Языкова говорится: «Отдельно следует сказать о больших потерях во второй партии пленных под командованием подполковника Владимирского ополчения Языкова. При переправе этой партии через Волгу близ Самары присутствовал правящий должность самарского горничного И.А. Второв, который ушёл изнурённых, дрожащих от холода пленных в одних мундирах, без всякой тёплой одежды. Они шли из последних сил, а утаивших кучей складывали на телеги и вели следом. Шедших медленно ратники ополчения погоняли палками, как скотину. Когда Второв высказал свои претензии Языкову, тот ответил, что не стоит жалеть злодеев, наделавших столько бед. На это Второв возразил, что теперь они не злодеи, а простые несчастные люди и нужно пожалеть

их по-человечески. Но это обращение не принесло никакой пользы. Помимо отсутствия снабжения соответствующей одеждой, в партии ужасно было организовано и питание — отмечен факт обгрызания до крови собственных рук двумя пленными, очевидно, сошедшими с ума. О бедственном положении военнопленных и причинах высокой смертности Второв рапортовал оренбургскому военному губернатору Г.С. Волконскому. Зарыв у переправы около 20 умерших, Языков на следующий день выступил дальше. По приходе в Оренбургскую губернию, в уездный город Бузулук, 27 октября он бодро отрапортовал Волконскому о прибытии с партией, насчитывающей уже 12 офицеров, 439 нижних чинов и 4 дезертиров. Позже по рапорту бузулукского городничего Рейндорфа выяснилось, что в течение последующих трёх дней из них умерло ещё 25 человек. Таким образом, потери этой партии по пути из Владимира в Бузулук с учётом вскоре умерших составили 434 человека, или 50,2 процента. Кроме того, Языков отказался отправлять больных в лазарет, ссылаясь на отсутствие такого приказа, и расположил прибывших по бытовательским квартирам, до 20 человек в одной комнате, под предлогом, что пленные могут разбежаться.⁶

А. Пятницкий направил в Оренбург рапорт на имя губернатора Г.С. Волконского и коменданта генерал-майора Герценберга о состоянии здоровья пленнных, где отмечает, что «найдено... больных военнопленных

триста», в конвойной команде до 200 человек, с уточнением «сути болезни простудного свойства». Причины болезни доктор Пятницкий усматривает в «недостатке тёплой одежды». По болезни в деревне Погромной осталось 3 военнопленных офицера и 150 рядовых. В крепости Тоцкой доктор Пятницкий «советовал оставить некоторое количество больных из ополчения».

В октябре 1812 года император Александр I потребовал от губернаторов сообщить о количестве и месте расположения пленных «гишпанцев»⁷ и «португальцев», несколько позже был опубликован указ «О порционных деньгах гишпанцам», где назначено питание пленным «гишпанцам нижним чином производить по 15 копеек в сутки и сверх того провиант против солдатских дач».

1 ноября 1812 года в Бузулуке доктор Пятницкий осмотрел третью партию военнопленных французов под командованием прапорщика Камсена, среди которых обнаружил 50 простудившихся, для лечения оставлены в Бузулуке 30 пленных и 16 ратников. Некоторые из заболевших, по мнению доктора, имеют «нервную горячку» и поносы, «происходящая от недостатка в одежде и успокоения». С целью уменьшения потерь людей в удалённых от Оренбурга партиях военнопленных доктор А. Пятницкий предложил таковые «расположить... по деревням, до тех пор, пока они снабжены будучи для продолжения пути... надлежащему времени одеждой».

Такое решение было одобрено и, когда в ноябре 1812 года коли-

чество заболевших среди пленных и конвойных значительно увеличилось, навстречу всем командам высылались солдаты с уведомлением остановиться в попутных деревнях.

К середине ноября 1812 года наступили холода, большинство пленных имели лёгкую одежду. Передвижения военнопленных были приостановлены.

Бузулудский городничий получил приказ разместить симбирскую партию пленных по квартирам бли-

жайших селений, с условием «хотя бы они были и помещичьи».

Больные определялись в одно или два селения для удобства «присмотра медицинскими чиновниками», а за «трудно больными» присмотр ложился на обывателей, по мнению чиновников «которые из человеколюбия обязаны к тому показать всё своё усердие».

Первая партия военнопленных прибыла в Оренбург 1 ноября 1812 года, о чём и доложил 5 ноября губернатору Г.С. Волконскому орен-

М: П:

Особенная важность. Министра Польции.

38 столяб.

Октябрия 1812.

№.

О порционных деньгах Гишпанцамъ.

Въ създствіе Высочайшаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣнія, я прошу Ваше Превосходительство, впредь изъ числа Французскихъ военнопольныхъ изъ арміи въ губернію управленія Вашему възвренію доставляемыхъ, Гишпанцамъ нижняго чинамъ, производить по 15 копѣекъ въ сутки и сверхъ того провиантъ противъ солдатскихъ дачъ — Касательно же довольствованія прочихъ военнопольныхъ, имѣете вы руководствоваться циркулярнымъ предписаніемъ моимъ отъ 29 іюня Августа по сему предмету послѣдовавшимъ.

Главнокомандующій въ С. петербургѣ.

Идтиаго Вязмиткова

бургский комендант генерал-майор Герценберг. В партии пленных французов в пути умерло 9 человек. Всего в команде осталось 182 военнопленных, из которых французов было 102 человека, 21 голландец, 21 испанец, 1 австриец, 12 швейцарцев, 1 саксонец, 18 поляков, 1 «*виртемберец*», 4 немца и 1 вестфалец.

Заболевшие, а именно 35 человек, были оставлены в лазарете Оренбургского гарнизонного полка. Герценберг отметил в рапорте, что «*причина болезни столь многих людей произошла, полагать должно, от того, что не имеют они одежды и обуви*».⁸

Командант Верхнеозёрной крепости майор Илямов, следуя распоряжению губернатора Г.С. Волконского от 15 октября, 2 ноября 1812 года оставил с летней службы по 15 казаков, мещеряков и башкирцев иррегулярных войск для сопровождения военнопленных французов как в самой крепости, так и в отрядах Никольском, Гирьяльском. По всей дистанции оставлено до 70 человек. В ноябре в Верхнеозёрную крепость была задержана доставка провианта, заканчивался фураж для лошадей, которого, по подсчётам майора Илямова, осталось до декабря.

Военнопленные французы под конвоем Владимирского ополчения вошли в уезд Бузулука 5 ноября 1812 года, где, по распоряжению бузулукского исправника, встречены унтер-офицерами.

Военнопленные «*в первой станции ... в Полтавском рудете*» были остановлены на отдых, затем конвоированы до Переволоцкой крепости, где ожидали дальнейших

распоряжений бузулукского исправника. Переволоцкая крепость на тот момент была «*малолюдная*» и насчитывала 44 двора. В некоторых домах местных жителей проживало до 20 людей. Из-за отсутствия помещений в Переволоцкой крепости решено было разместить пленных в соседних селениях.

4 ноября 1812 года симбирский гражданский губернатор Долгорукий сообщил в Оренбург о двух партиях пленных, идущих через Симбирскую в Оренбургскую губернию.

Первой партией военнопленных командовал прапорщик 1-го Симбирского гарнизонного батальона Петров. Первоначально Петров был командирован в Курск для сопровождения рекрутской команды, на обратном пути получил в Воронеже пленных в количестве 1 штаб-офицера, 9 обер-офицеров, 207 нижних чинов, с которыми прибыл в Симбирск. В Симбирске прапорщика Петрова сменил 4-го пехотного полка Симбирского ополчения прапорщик Макишев с новым конвоем в числе 1 обер-офицера, 8 унтер-офицеров, 12 рядовых, 80 воинов инвалидной команды. Обновлённая партия военнопленных направилась в Оренбург из Симбирска 30 октября 1812 года.

Из Тамбова 4 ноября 1812 года в Оренбург выступил конвой военнопленных под командованием 12-го Московского пехотного полка прапорщика князя Чанышева. В команде насчитывалось 10 обер-офицеров, 181 нижний чин, из которых 3 человека умерли по пути. На экипировку 35 ратников князю Чанышеву было

выдано 685 рублей. Команда Чанышева конвоировала пленных до Бузулукского уезда, куда прибыла 14 мая 1813 года.

Оренбургское Провиантское Депо в ноябре 1812 года испытывало нехватку чиновников для командирования в Бузулукский, Бузулукский, Бугульминский уезды с целью снабжения продовольствием военнопленных французов на время квартирования. Снабжение продовольствием пленных, помимо Провиантского Депо, по этой причине было возложено на городских и земских исправников «*по ближайшей им местности*».

9 ноября 1812 года комендант Усть-Уйской крепости майор Флеж сообщил в Оренбург об оставлении в крепости 15 казаков и 35 башкирцев из состава летней линейной службы для конвоирования военнопленных. Флеж сообщает о нехватке провианта, фуража для лошадей. Из крепости Усть-Уйской в крепость Звериногоровскую был послан казак для взятия в провиантном магазине провизии в размере месячного довольствия. Подобные обстоятельства с продуктами и фуражом складывались по всей линии крепостей.

В ноябре 1812 года Особенная Канцелярия Министра Полиции направила в губернии за подписью фон Фока, где расположены пленные французы, предписание «*О снабжении платьем французских пленных*», где сказано «*одежда им доставляема была прочная и от службы сберегающая, а в то же время и интерес казённый соблюден*». По предписанию пленным нижним чином полагалось на зимнее вре-

мя «*шапка из просто сермяжного сукна, полушубок овчинный, кафтан сермяжный или армяк, штаны сермяжные, рубашка, онучи сермяжные, рукавицы с варгами (обшлаги – А.И.), латки; штаб- и обер-офицерам давать вместо полушубков овчинные тулупы, а вместо кафтанов сермяжные шинели, в случае неимения ими никакой одежды снабжать и прочим, что ... для нижних чинов положено*».

Командант Кизильской крепости полковник Медяник 11 декабря 1812 года сообщил оренбургскому губернатору Г.С. Волконскому о респуске по домам, после сопровождения военнопленных французов, казаков и башкирцев, выданных положенный провиант и фураж.

Дивизионный доктор Афанасий Пятницкий в селе Державине 12 декабря 1812 года произвёл медицинский осмотр военнопленных партии подполковника Языкова, расположенных в том же селе и в деревне Зименке. Среди пленных найдено «*трудноболыными*» 60 воинов, «*наружными болезнями*» 69 воинов, среди пленных «*трудноболящих*» 34, а «*наружными болезнями*» 146 человек.

Причину заболевания доктор видит в «*простуде*» и скудности, поскольку за недостатком «*квартир*» в одном помещении проживает по 10 – 20 человек, и нехватке горячего питания. Доктор Пятницкий в записке на имя губернатора Г.С. Волконского отмечает, что в «*малых селениях*» пленные и воины-конвоиры едят одну кашу без мяса, сухой хлеб с водой, посуды не хватает, «*по суровости климата и трёхмесячному*

воздуху не мылись», носят «чёрные сорочки», т.е. грязные, верхняя одежда изорвана.

Доктор высказывает «Мнение о возможных способах облегчения участи больных воинов и военнопленных, расположенных по Бузулукской округе, и отвратить действие удручающих их болезней от обитателей оной».

Основной болезнью А. Пятницкий находит «не что иное как простудная лихорадка», причины которой он видит в скученности проживания людей, нахождении больных рядом со здоровыми, переохлаждении, скудности пищи, употреблении некипяченой колодезной воды. Доктор рекомендует проводить дезинфекцию с применением серной кислоты, добавляя туда соль для образования паров, после чего проветривать помещения.

Среди прочего доктор Пятницкий советует: «не дурно хозяину, покамест он не привыкнет к постояльцу, пить добрую рюмку вина, а прочему семейству его следующее средство: взять корень валерианы, травы мяты, руты, цветков ромашки, ягод жевельника каждого по 4 золотника, всыпать в штоф, залить хорошим рейнским или из понозу сделанным уксусом, настоять хорошоенько в теплоте и принимать по ложке утром натощак и вечером принять, может служить предохранительным (от болезни) средством».⁹

Дивизионный доктор, как человек обстоятельный и ответственный, вносил записи обследования жителей

деревень и конвойных по маршруту следования партий военнопленных в путевой журнал.

В Переволоцкой крепости доктор, по слов атамана крепости, 29 ноября 1812 года делает запись, что после квартирования в течение 4-х дней партии пленных французов под командованием подполковника Языкова, болела почти половина жителей, один крестьянин умер.

На следующий день, 30 ноября 1812 года, Пятницкий прибывает в Полетаевский редут, где, по словам старосты, после жительства пленных осталось 8 больных жителей, трое, две женщины и один 70-летний старик, умерли.

В Новосергиевской крепости 1 декабря хорунжий Ветошкин сообщил Пятницкому о многих больных после ухода партии пленных. По словам Ветошкина, в каждом дворе по два и три больных.

2 декабря 1812 года доктор Пятницкий приехал в Воробьевский хутор, где обнаружил 6 человек заболевших. В тот же день Пятницкий посетил Сорочинскую крепость и определил на лечение 90 заболевших воинов.

В деревне Березовке 3 декабря 1812 года Пятницкий больных не обнаружил.

В деревне Пронькиной, которую доктор Пятницкий посетил 3 декабря, была расположена партия пленных под командованием капитан-лейтенанта Булыгина. По словам выборного от «мирских людей», больных в Пронькино нет.

В тот же день Пятницкий в деревнях Елшанке, Вязовке заболевших не нашёл, а в деревне Тепловке

«выборный» указал на большое число больных.

4 декабря в деревнях Подколочной и Ждановой, вотчинах помещика Жданова, по словам старосты, больных мало. В деревне Державино к 6 декабря заболело более 100 крестьян и много воинов, пленных.

При осмотре доктором Пятницким 7 декабря 1812 года в деревне Зимненке воинов и жителей найдено большое количество больных.

13 декабря 1812 года комендант Крутойрской крепости майор Тихановский произвёл роспуск казаков и башкирцев по домам по окончании летней службы и конвоирования военнопленных французов.

Особенная Канцелярия Министра
Позиция.

3 Столь.

Ноября 1815

№.

Съ пропровождёнъ
нѣмъ распоряженіа
объ отправленіи
въ освобожденныхъ
военнопленныхъ.

Господи ну

Гражданскому Губернатору.

При семь имъю честь препроводить къ
Вашему Превосходительству распоряженіе
учищенное въ свидѣствіе ВЫСОЧАЙШАГО
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
повелѣніа объ отправленіи освобожденныхъ
Саксонскихъ, Виршембергскихъ, Саксенъ - Вей-
марскихъ, и Саксенъ - Кобургскихъ военно-
пленныхъ въ ихъ отечество, для досудо-
лжанаго по оному исполненія.

Главкомаудующій въ С. Петербургъ

17 декабря 1812 г. оренбургский губернатор Г.С.Волконский получил от оренбургского земского исправника Кустовского рапорт № 473 об исполнении предписаний о «расчислении из военнопленных французов... поляк, вестфальцев, гессенцов и ганноверцов... к отправлению в г.Бузудук, а из оного до Санкт-Петербурга и далее...» Заседатель Кустовский произвёл разделение пленных «из числа означенных наций» и обнаружил 16 поляков, 1 вестфальца. Ввиду отсутствия у пленных тёплой одежды, наступивших морозов и буранов, в Бузудук они отправлены не были.

Гарнизонный доктор Пятницкий 19 декабря из г. Бузулука сообщил в Оренбург о выздоравливающих пленных в количестве 101 человека. Пленные временно находились в селе Могутове, где проживали в «особых избах», выделенных под лазарет.

В деревне Зимненке также оставлены больные, которые переданы в ведение бузулукского штаб-лекаря.

С каждым месяцем на территории России увеличивалось число военнопленных французской армии. Тяжёлые условия содержания, грубое отношение, голод, одиночество вынуждали пленных совершать преступления. По этой причине в мае 1813 года Особенная Канцелярия Министра Полиции определила предписанием «О суждении пленных» за проступки «судить по нашим законам военным судом».

В то же время в Европе произошли изменения в военной и политической ситуации. Бывшие союзники «Великой Армии» переходили на сторону противника, в том числе России. Военнопленные освобождались и возвращались на родину.¹⁰ 23 мая 1813 года опубликовано предписание «о возвращении пленных австрийцев в своё отечество», в Оренбурге это стало известно 10 июня.

В октябре 1813 года наполеоновская армия потерпела поражение под Лейпцигом. На стороне России сражались союзные армии Швеции, Пруссии, Австрии. Рейнский Союз, опора Наполеона I Бонапарта в войне, распался. В значительных количествах военнопленные, точное чис-

ло которых до сих пор неизвестно, возвращались на родину.

В ноябре 1813 года предписанием «С препровождением распоряжения об отправлении освобожденных военнопленных» определено «саксонских, виртембергских, саксен-веймарских и саксен-кобургских» пленных отправить «в их отечество». Сборные пункты были назначены в Риге, куда колонны отправлялись из Оренбургской губернии, и Белостоке.

Более половины военнопленных в Оренбургской губернии были пруссаки, т.е. немцы, солдаты «Вюртембергского 3-го конно-егерского герцога Людвига полка, который побывал в Бородинском сражении».¹¹ Вюртембержцам помогала императрица Мария Фёдоровна, урождённая принцесса Вюртембергская. Более того, король Вюртемберга Фридрих I приходился родным дядей императору Александру I и оказывал всеческую поддержку своим подданным. Оренбургскую губернию вюртембержцы покинули первыми.

В декабре 1813 года был сделан, согласно предписанию, список военнопленных, находящихся в Оренбургской губернии, с указанием «нации» и представлен оренбургскому военному губернатору. Здесь приводится фрагмент этого списка. Имена искажены переводчиками, поскольку в оригинале написаны частично по-русски.

В декабре 1813 года движение партий военнопленных во внутренних губерниях России было приостановлено циркуляром Министерства

Имя пленного	Военное звание	Происхождение
Валбург Друнцел ¹²	Полковник	Виртенбергец
Бац	Адъютант	Виртенбергец
Нившь	Капитан	Француз
Виель	Поручик	Француз
Шаурерь	Поручик	Француз
Жюлтцсь	Поручик	Прусак
Жапье Базай	Унтер-офицер	Француз
Юзеф Антон Юсер (Юнкер?)		Виртенбергец
Буржа Август	Унтер-офицер	Француз
Ленлерь	Унтер-офицер	Француз
Лартиць	Унтер-офицер	Француз
Лебер Юзеф	Унтер-офицер	Француз
Бенза Жан Батист	Унтер-офицер	Француз
Пшилье Жан	Унтер-офицер	Француз
Вотраверь Пьер	Унтер-офицер	Француз
Пакь Жан	Унтер-офицер	Француз
Ен Жубарт	Рядовой	Прусак
Кристиан Шекетлине	Рядовой	Прусак
Давид Созлер	Рядовой	Прусак
Готлиб Вагон	Рядовой	Прусак
Егам Шульц	Рядовой	Прусак

Полиции, по причине «большого количества заболевших», которых оставляли на местах до выздоровления.

Тяжёлые условия содержания, отсутствие связи с семьёй, родственниками вынуждали пленных искать пути к выживанию. Так, находящийся в партии военнопленных под командованием поручика Мкжишева, расположенных в Бугурусланской округе, поручик «из венгерцов» Хорветис(?) 23 января 1813 года

подал прошение о принятии его на российский службу.

На российской земле военнопленные выполняли разнообразную тяжёлую физическую работу, копали траншеи, ремонтировали дороги. Среди пленных были люди разных профессий. Способности и умения военнопленных привлекались Российским государством на свою сторону. В декабре 1812 года среди пленных разыскивались мастера суконного дела, а в феврале 1813

года Главнокомандующий генерал С.К. Вязмитинов предписал брать на службу пленных поляков, «а прочих, по способностям, на заводы, в мастерские, в земледельцы или же в простые работы».

К весне 1813 года передвижения пленных французов по Оренбургской губернии возобновились. Возобновились и медицинские осмотры конвоя, пленных, жителей сёл и

деревень. 22 марта 1813 года инспектор Оренбургской врачебной управы статский советник Гофман обследовал военнопленных в селениях Бугурусланской округи и нашёл большими 4 человека, «а опасных и заразительных болезней между ими ... вовсе не замечено».

Среди жителей села Михайловское¹³ Оренбургского уезда весной 1813 года «труднобольных» не

было, лишь население недоумевало: «шесть недель пленных французов кормили, и зато несть дано никакого денег».¹⁴

За подписью Главнокомандующего Вязмитинова от 29 апреля 1813 года оренбургским военным губернатором получено предписание с Указом «Об отправлении мекленбурцев», где указывается «объявить Монаршую волю о дозволении возвратиться им в своё отечество». К предписанию прилагался список имён (капитаны, поручики, подпоручики, юнкера, аудитор, священник).

К 14 мая 1813 года стало известно, что в Оренбургской губернии «военнопленных Мекленбургской службы из офицеров никого не состоит», а 25 мая другим Указом были возвращены домой пленные саксонцы.

Одни возвращались домой, другие оставались в плену и далеко не в лучших условиях. В июне 1813 года атаман Пречистенской станицы Радошнов сообщил оренбургскому военному губернатору, что пленные французы «довольствуются пищей в станице от жителей с февраля 1813 года, не получая от казны никаких денег», и просит выделить средства на питание пленных, а также возместить убытки жителям станицы.

В С.-Петербурге 4 июля 1813 года опубликован Указ «О желающих присягнуть на подданство России», которым оговаривалось «военнопленные, желающие присягнуть на подданство России, были допускаемы к сему» с оговоркой «дабы сим случаем не могли воспользоваться иногда люди вредные или

подозрительные». Уже 23 июля оренбургский земский исправник докладывает губернатору о «квартирующих в деревне Чекаловке», письменно пожелавших стать подданными России пленных Николая Гену, Якове Верле и Филипе Гильгерте.

Выразившие желание принять подданство России проходили проверку на основе предписания «О правилах, какие наблюдать при приёме в подданство пленных» от 19 августа 1813 года, с выяснением, «какой она нации и закона», сословия, возраста, рода войск и звания, семейного положения, особо выяснялись ремесленные навыки и «мастерство в профессии».

Прусские военнопленные освобождены 22 июля 1813 года предписанием «О немедленном отправлении прусских пленных». Согласно Указу, офицеры отправлялись на Родину через Ригу, получив прогонные деньги.

В Оренбургскую губернию ссылались военнопленные, бежавшие по пути конвоирования.

Уроженец Вены писарь Симон Бер был арестован 10 сентября 1813 года в Белостоке вместе с сержантом 56-го Линейного полка, «уроженцем Пиринеев» Мартином Франсуа, после чего отправлены под конвоем в Оренбург.

Со второй половины 1813 года передвижения военнопленных по Оренбургской губернии значительно сократились. Большое количество пленных возвратилось на свою Родину, некоторые приняли российское подданство, небольшая часть, в основном офицеры, «пустились в

Особенная Канцелярия Министра Полиции.

Господину

Гражданскому Губернатору.

3й столб

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ВЫСОЧАЙШЕ повелеть соизволишь, дабы военнопленные, желающие присягнуть на подданство России, были допускаемы к сему, с наблюдением однакоже ослороженностей, дабы симъ случаемъ немогли воспользовашся иногда люди вредныя или подозрительныя.

Объявляя МОНАРШУЮ волю сію, я предписываю Вашему Превосходительству, будъ изъ числа военнопленныхъ, повъренной вамъ Губерніи находящихсѧ, окажущся желающіе быть припавшими въ Россійское подданство, по нижнихъ чиновъ приведа къ присягѧ, доставляти мнѧ каждыи разъ имянные объ нихъ списки; а объ Офицерахъ представляти на разсмотрѧніе Министерства Полициѧ.

Генерал-полковникъ въ С. Петербургѧ. Подписанъ

Гражданскому Губернатору.

Стол 5.

13 Маия 1814

No.

о возвращении в отечество
пленных.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, ВЫСОЧАЙШЕ повелеть соизволил: что бы вся без изъятия пленные в России находящиеся, навяхъ бы оныя нации ни были, отпущены были в отечество съ должнымъ распоряженіемъ къ обезпеченію содержанія ихъ до границъ нашея.

Сдѣлавъ во исполненіе таковой МОНАРШЕЙ воли, зависящее отъ меня распоряженіе, я честь имѣю препроводить при семъ къ Вашему Превосходительству одинъ экземпляръ оного, для непремѣннаго по оному исполненія

Главнокомандующій съ С. Петербурѣ.

Пол. Вилеминск.

бега», не дождавши своего освобождения. Теперь конвой сопровождал небольшие группы пленных, оставшихся на лечении в лазаретах или же отставших от основной партии. Такую партию пленных, по поручению казанского губернатора, конвоировал из Казани в Оренбург поручик Казанского резервного ополчения Чудинов. Конвой «вступил» в Бутульму 13 сентября 1813 года, где остановились по причине холодов и недостатка тёплой одежды. В итоге поход был приостановлен в ожидании доставки одежды и провианта. К сожалению, дальнейшая судьба партии пленных под командованием поручика Чудинова в архивном деле не отражена.

На территории Оренбургской губернии оставалось значительное количество военнопленных, точное

число которых не выяснено. Сумы, выделяемые на содержание, сокращались. Так, в марте 1814 года Оренбургская Казённая палата лишь по требованию оренбургского коменданта определила французским пленным, подпоручику Томасу Лиору и Мартину Франсуа, на довольствие «с 15 декабря 1813 года каждому в сутки по 50 копеек».

Пленные поляки освобождены Указом от 6 апреля 1814 года.

13 мая 1814 года император Александр I издал Указ «Об отправлении в отечество военнопленных всех наций, в России находящихся». На территории России пленные стали свободными и могли вернуться на Родину.

Далеко не все, имея желание, возвращались. За преступления¹⁵ в Илецкую Заститу¹⁶ сосланы военнопленные: французы Юзеф Валет,

Шарль Широт, голландец Доминик Бегит, австриец Кристоф Мерц.

Не смог вернуться на Родину бывший военнопленный 44-го полка от инфантерии адъютант Шарль Маришаль. Как сообщил бирский городничий, Маришаль, купаясь в реке Белой 7 июня 1814 года в черте города Бирска, «от собственной неосторожности утонул».

Выполняя Указ Главнокомандующего о возвращении пленных в свое отечество, в июне 1814 года из Бирска в Ригу отправлены подполковник Лавдау Азен и капитан Франц Диосу. Французские офицеры «пожелали возвратиться на свою родину», их сопровождал унтер-офицер Уфимского Внутреннего гарнизонного батальона Сарабини.

Незначительная часть бывших военнопленных, приняв подданство России, осталась в Оренбургской губернии, занимаясь ремеслом, преподавая французский язык, фехтование. Офицеры-французы пополнили собой число врачей, инженеров, военных.

Высылка военнопленных из Оренбургской губернии в 1814 году производилась небольшими партиями ввиду недостатка конвоя. Задержка денежного довольствия иногда сопровождалась агрессивными действиями военнопленных. В Бузулуке в августе 1814 года пленные Александр Божуков и Франциско Куртезио, не получив вовремя денег на содержание, грубо обругали конвоиров и офицеров русской армии, за что были наказаны. 7 сентября 1814 года Франциско Куртезио ранил ножом конвоира, в наказание

был бит шпицрутенами. Пленный Божуков помещён в Дивизионную Канцелярию, а Куртезио переправил в Оренбургский ордонангтауз под караулом в колодах для суда.

В Оренбурге пленный Куртезио находился 2 года и был приговорён «к крепостным работам без назначения времени, исключительно, навсегда», но по рассмотрении «мемории» осуждённого российский Император «Высочайше повелеть соизволил упомянутого военнопленного Куртезио выслать за границу». 18 марта 1816 года Куртезио, «бывшего при здешной инженерной команде в крепостной работе военнопленного»,¹⁷ выслали из Оренбурга в Житомир под надзор в ведомство управляющего Вольнской губернии.

Финалом нахождения военнопленных «Великой Армии» в Оренбургской губернии в 1812 – 1814 гг. стало появление французских фамилий среди казаков Оренбургского казачьего войска. Как пишет П.Л. Юдин, среди казаков сохранилось 48 французских фамилий. Поселившись на Новой линии,¹⁸ потомки военнопленных, «не желая казаться чужими среди своих одностанничков, переименовали свои прежние французские фамилии на русския и таким образом затерялись в общей массе казачьяго населения так же, как утратили свои прозвища потомки французцев... от Филита Юнкера произошла фамилия Юнкеров, дети Ларжинци совсем переименовали прозвища отца и пишутся теперь «Жильцовы», а от Петра Баца произошли Бацатовы, и только потомки Вилера Сонина сохранили неприкосновенным своё имя».¹⁹

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Матвиевский, П. Е. «Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г.» Оренбург, 1962 г.

² В статье В. С. Белоусова употреблено определение «предписанье».

³ ГУ ГАОО, Ф. 6 ОП. 3. Д. 3673, 1812-1814 гг.

⁴ ГУ ГАОО, Ф. 6 ОП. 3. Д. 3673, 1812-1814 гг.

⁵ ГУ ГАОО, Ф. 6 ОП. 3. Д. 3673, 1812-1814 гг.

⁶ Хомченко, С. Н., Известия Самарского научного центра РАН. Спец. выпуск «Актуальные проблемы истории и археологии». Самара, 2006 г. С. 7-11.; на основе материалов ГУ «ГАОО», ф. 6, оп. 3, д. 3673, л. 95, 109, 200-202об., 221, 276, 365; Де Пуле М. Отец и сын // «Русский вестник». 1875. № 6. — С. 506-508.

⁷ т.е. испанцев

⁸ ГУ ГАОО, Ф. 6 ОП. 3. Д. 3673, 1812-1814 гг.

⁹ Валериана, мята, рута, ромашка, можжевельник — лекарственные растения, оказывают успокаивающий и противоспазматический эффекты; золотник — русская мера веса 4,266 грамма; штоф — русская мера объёма, 1,23 л.

¹⁰ Хомченко, С. Н., «Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье в 1812-1814 гг.», автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Самара. 2007 г.

¹¹ К. Серебренитский, ж-л «Вокруг света». Телеграф. «Осколки «Великой Армии», 2006 г.

¹² Вюртембергского 3-го конно-егерского герцога Людвиг полка командир, полковник граф Трубецз фон Вальбург-Вюрцах

¹³ ныне село Шарлык Оренбургского района, основано в 1809 г.

¹⁴ ГУ «ГАОО» ф. 6, ОП. 3 ч. 2 д. 5860. — С. 26, 1813 г.

¹⁵ ГУ ГАОО, Ф. 6 ОП. 3. Д. 3673, 1812-1814 гг., род преступления не указан.

¹⁶ Илецкая Защита — ныне г. Соль-Илецк.

¹⁷ ГУ ГАОО, ф. 6, ОП. 3. Д. 3673, 1812-1814 гг.

¹⁸ Нагайбакский район Челябинской области.

¹⁹ Жандр. Ауц, Бац, Юнкер и пр., см. «Русский архив», 1896 г. — С. 5-33.

Александр Петрович Ялимов родился в 1948 году в посёлке Серебряково Уральской области (Казakhstan). Потомственный уральский казак. Окончил Уральский педагогический институт, работал в школе, на стройках, заводах. Прозаик, публицист. В литературном творчестве выступает в двух ипостасях: как мастер устного чтения рассказов в оригинальной манере уральского говора и как автор малых жанровых форм — литературных сказок, миниатюр, баек. Член Союза писателей России, лауреат областной литературной премии им. С.Т. Аксакова (2011). Живёт в Уральске.

Александр ЯЛФИМОВ

АТАМАН
БАРБОША*

Главы из романа

9.

С шумом, в брызгах бубенцового перезвона подкатывался к гнезду своему, Соль-Вычегодску, Аникой Строганов.

Старый Сысой, главный строгановский доглядчик, незнамо каким побытом учувявший хозяина, дуй медвежьей шубе, колодой неохватной, влез на хозяйско крыльцо. Баргояез лицом, глаза выпучив, выхрипнул:

— Ну-к, перехватный караул, дуй встречь хозяину. Тришка, — старшему караула, — встренешь обоз, мальчишка съоды гони. Пшёл!

Порядка ради кулак в рыжем волосе из рукава выпростал, Трифону показал:

— Шкуру спущу!

Хлынул десяток верховых в ворота, нахлыстывая застоявшихся лошадей, скрылся в снежной пыли.

Ушибленные свирепым рыком и взглядом Сысоа, домовые, дво-

Галина МАТВИЕВСКАЯ

ЛОМОНОСОВ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ

К 300-летию со дня рождения
П. И. Рычкова

Галина Павловна Матвиевская родилась в Днепротропольске. Вместе с семьёй в 1941 году переехала в Оренбург. Окончила математико-механический факультет Ленинградского государственного университета. Доктор физико-математических наук, член-корреспондент АН Узбекской ССР, академик АН Узбекистана, действительный член Международной академии истории науки. С 1994 года — профессор Оренбургского государственного педагогического университета. Член Союза писателей России. Известный краевед, автор многочисленных работ по истории края. Лауреат премии «Оренбургская лира», Всероссийской литературной премии «Капитанская дочка», Шаляповской премии «Они сражались за Родину», премии имени Валериана Правдухина альманаха «Юстиний Двор» (2009).

Первый член-корреспондент Петербургской академии наук Пётр Иванович Рычков (1712 — 1777) оставил благодаря своим сочинениям важный след в истории, географии и экономической науке России XVIII века. Талантливый исследователь, получивший глубокие и разносторонние знания путём самообразования, он долгие годы занимался изучением в то время почти неизвестного Оренбургского края, с которым с молодости связал свою жизнь. Результаты его трудов отражены в многочисленных статьях, печатавшихся в научных журналах того времени и в капитальных сочинениях — «История Оренбургская» и «Топография Оренбургской губернии». Деятельность Рычкова получила высокую оценку его современников, в том числе В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера, М. В. Ломоносова.

Биография Рычкова сейчас хорошо известна, прежде всего благодаря его «Запискам», составленным в зрелом возрасте и впервые опубликованным в 1905 г¹. Он родился 1 октября 1712 г. (здесь и далее — даты по старому стилю) в Вологде, в

семье именитого купца, который вёл обширную торговлю хлебом через Архангельск и имел деловые связи с иностранцами. Поэтому Рычков, выросший в этой среде и рано научившийся читать и писать по-русски, с детства знал и немецкий язык.

В 1720 г. его отец разорился, и семья переехала в Москву. Здесь Рычков получил начальное образование, а затем прошёл обучение у друга отца голландского купца И. П. Тамеса, управлявшего московской полотняной мануфактурой. Рычков писал о Тамесе:

«Он меня как сына любил и в своей конторе не только языкам и бухгалтерству учил, но и при всех своих рассуждениях и представлениях к разному же мануфактур и пользе российской коммерции употреблял»².

Благодаря этому Рычков стал квалифицированным бухгалтером и экономистом.

С 1730 г. в течение трёх лет он работал в Ямбурге на стекольном заводе, главным директором которого был англичанин В. Эльмен, а затем переехал в Петербург. Здесь он получил должность переводчика и помощника бухгалтера в Санкт-Петербургской таможене, куда в это время был приглашён бухгалтер иностранец для того, чтобы «содержание книг и счетов по европейской regole установить». Рекомендовал Рычкова на это место обер-секретарь Правительствующего сената И. К. Кирилов, к которому молодой человек обратился за поддержкой. Это знакомство определило его дальнейшую судьбу.

Иван Кириллович Кирилов

(1689 — 1737), один из «птенцов гнезда Петрова», выдающийся русский географ, автор статистико-экономического и географического описания России, составитель «Атласа Всероссийской империи и Генеральной карты России», в этот период вёл подготовку экспедиции к юго-восточной границе государства. Она была организована в связи с вступлением в российский подданство казахов (называвшихся тогда киргиз-кайсаками). Хан Малой орды Абулхайр обратился к русскому правительству с прошением о постройке на берегу реки Урала (в то время Яика), в месте, где в неё впадает река Орь, города, который должен был стать военной крепостью и центром торговли со среднеазиатскими ханствами. Просьба была удовлетворена, и указом императрицы Анны Иоанновны от 7 июня 1734 г. предписывалось городу, «вновь строить назначенному», именоваться Оренбургом. Осуществить правительственные планы предстояло экспедиции, начальником которой стал Кирилов.

Перед экспедицией, вначале называвшейся «известной», а впоследствии «Оренбургской», наряду с политическими задачами ставились и задачи по изучению природы совершенно неизвестного региона, картографирование его территории и т. п. В соответствии с этим был сформирован большой отряд, насчитывавший 95 человек и включавший геодезистов и учёных. Решая вопрос о бухгалтере экспедиции, Кирилов предложил определить на эту должность Рычкова, хотя его молодость и неопытность, видимо, вызывали не-

которые сомнения. Кирилов писал в Сенат:

«Бухгалтера ныне достойного ещё не прискал, токмо в бухгалтерском деле знающего из русских Петра Рычкова никакше прошу на первый случай со мною отпустить, который был здесь при портовой таможе у бухгалтерских дел и по-немецки читать умеет»³.

В своём выборе Кирилов не ошибся. Рычков, прекрасно справляясь со своими прямыми обязанностями, стал его ближайшим помощником и учеником. Он участвовал во всех делах экспедиции и вёл записи, которые впоследствии легли в основу его «Истории Оренбургской». Он засвидетельствовал, например, что 12 августа 1735 г. в назначенном месте, *«при Яике реке и устье Орском»* был заложен город Оренбург — *«при выстреле трижды из тридцати одной пушки»*.

Начавшиеся волнения башкир, недовольных строительством крепостей на Яике, затруднили деятельность экспедиции, но первые исследования природных богатств Оренбургского края были проведены успешно⁴. Геодезисты, сопровождавшие Кирилова, провели важные картографические работы. В Академии наук были отправлены гербарий из обнаруженных растений и собрание минералов.

Рычков многому научился у Кирилова, которого высоко ценил как *«рачителя и любителя наук, а особенно математики, механики, истории, экономики и металлургии»*. Под влиянием Кирилова сформировался его интерес к географии и истории.

Вторым учителем Рычкова стал ещё один сподвижник Петра I, дипломат и учёный, крупнейший русский историк и географ Василий Никитич Татищев (1686 — 1750). После смерти Кирилова, случившейся 14 апреля 1737 г. в Самаре, он был назначен начальником Оренбургской экспедиции, которая стала называться Оренбургской комиссией. Эту должность он занимал только два года, но сложившихся за это время дружеских отношений с Рычковым не прерывал до конца своей жизни. Между ними установилась переписка, в ходе которой Татищев руководил научными занятиями любознательного и трудолюбивого ученика⁵. Благодаря сотрудничеству с Татищевым Рычков серьёзно занялся историей России, уделяя внимание в первую очередь изучению первоисточников, в том числе летописей. Влияние учителя сказалось и на выборе основной темы дальнейших исследований молодого учёного — историко-географического описания Оренбургского края.

Татищев внимательно читал присланные ему первые сочинения Рычкова, указывал на недостатки, помогал автору советами. В 1747 г. он отправил в Академию наук написанную в 1744 г. работу «Известия о начале и состоянии Оренбургской комиссии», а позднее — «Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии их народов, которые под именем татар разумеются», законченное Рычковым в 1749 г. Татищев считал, что Академия наук должна отметить научные заслуги оренбургского исследователя и просил «учинить его почтенным членом».

Занятия науками не мешали служебной карьере Рычкова. Он пользовался полным доверием всех начальников, с которыми ему пришлось работать. В «Записках» Рычков вспоминал:

«Они по тамошним башкирским беспокоествам о том, как бы счётные книги по регуле бухгалтерской установить, почти и думать уже перестали, но усмотря, что я в таких строгих случаях к управлению канцелярских дел других был способнее, всё канцелярское правление на меня положили»⁶.

В то же время Рычков непосредственно участвовал во всех мероприятиях, проводившихся Татищевым и его преемниками, которые считали своей основной задачей хозяйственное освоение Оренбургского края и укрепление торговых и политических связей со среднеазиатскими ханствами.

С этой точки зрения особую важность приобретало изучение природных ресурсов края, для чего прежде всего требовались точные географические карты. В 1741 г. при канцелярии Оренбургской комиссии был создан Географический департамент, руководивший всеми картографическими работами в крае и сопредельных областях. Рычков находился с ним в тесном сотрудничестве, сохраняя при канцелярии весь собранный геодезистами материал. В результате сложилась большая коллекция карт, о которой историк картографии С. Е. Фель писал:

«Такое богатое скопление карт в архиве одной губернии (а нужно сказать, что вообще ни одна губер-

ния этим не занималась) мог осуществиться только просвещённый ревнитель географии и картографии, ревностный искатель, собиратель и хранитель этих культурных ценностей, каковым до конца своих дней был П. И. Рычков»⁷.

Особенно успешной оказалась для Рычкова служба при Иване Ивановиче Неплюеве (1693 — 1773), который в 1742 г. стал начальником Оренбургской комиссии, а в 1744 г. был назначен губернатором вновь созданной Оренбургской губернии и правил краем до 1758 г. Этот период биографии Рычкова воссоздан — в основном по архивным документам — П. Е. Матиевским⁸. Находясь неотлучно при Неплюеве, Рычков вёл делопроизводство и участвовал в решении всех важных вопросов внутренней и внешней политики, которые пришлось решать начальнику края, занимавшего огромную территорию на юго-востоке Российского государства. С приходом Неплюева было окончательно определено место расположения главного города края. Место, выбранное для Оренбурга Кириловым в 1734 г., Татищев нашёл непригодным и добился указа о переносе его *«по Яику реке ниже того места сто восемьдесят четыре версты на урочище, называемое Красная гора»⁹*. Но Неплюев, не одобрив и этот выбор, решил строить город ещё ниже по течению Яика — на месте построенного в 1737 г. Бердского городка.

Новый город был заложен 19 апреля 1743 г. Это местонахождение Оренбурга оказалось постоянным, а прежний город получил название Орской крепости (теперь город Орск). Рычков подробно описал строитель-

ских корреспондентов. Она служит в доказательство, коим образом Академия, в одну сторону уважая заслуги вашего высокоблагородия, которые вы к посеществованию наук и к пользе Академии уже učinили; а в другую — сколько желает она впредь иметь пользы от прилежания и искусства вашего»¹⁰.

Это важное для Рычкова событие произошло в сложный для него период, когда ушёл в отставку Неплюев и ему, ведавшему заграничными и секретными делами Оренбургской губернской канцелярии, пришлось столкнуться с немалыми трудностями, совмещать служебные обязанности с личными планами, в которых значительное место занимала наука, становилось всё труднее. Ссылаясь на нездоровье, он сначала исполнял в Сенате годичный отпуск, а затем подал челобитную об окончательном увольнении в отставку. В феврале 1761 г. его просьба была удовлетворена, причём в награду за службу он получил чин статского советника. Начался восьмилетний период жизни Рычкова в селе Спасском, заполненный, прежде всего, активной хозяйственной деятельностью, которая, однако, не мешала научным занятиям — изучению природы и экономики Оренбургского края. Он поддерживал постоянную связь с Академией наук благодаря переписке с Миллером, который по существу руководил его исследованиями. Отвечая на вопросы академика, Рычков сообщал ему интересные сведения о редких явлениях природы, животных и растений, об обычаях и языках народов, населявших многонациональный край. Он посылал в Академию образцы минера-

лов и руд, чучела животных (например, выхухоль и земляного зайца), птиц (ремеза, водяного воробья), различные природные «раритеты».

В 1765 г. Рычков был избран в члены только что учреждённого Вольного экономического общества и стал систематически печатать статьи в его «Трудах». В них шла речь о земледелии и скотоводстве в Оренбургском крае, об организации сельского хозяйства и домохозяйстве, местных промыслах, об охране и искусственном разведении лесов и т. д. Большое внимание он уделял, в частности, пчеловодству, вязанию изделий из козьего и травяного пуха, изготовлению тканей из крапивной кудели. В своих статьях он старался популяризировать прогрессивные приёмы ведения хозяйства, используя собственный опыт.

В 1766 г. в жизни П.И. Рычкова произошло важное событие: он ездил в Москву, где был представлен императрице Екатерине II. Она приняла его весьма благосклонно, произнесла: «Я известна, что вы трудитесь на пользу Отечества, за что вам благодарна». Ауденция, длившаяся более часа, описана в «Записках» П.И. Рычкова. Он вспоминает, что преподнёс царице свою книгу «Опыт Казанской истории», а затем отвечал на её вопросы «о городе Оренбурге, о ситуации тамошних мест, о хлебопашестве, о коммерции».

Оренбург привлекал внимание правительства как основной центр международной торговли со Средней Азией. Поэтому П.И. Рычков, признанный авторитет в этих вопросах, был привлечён к работе учреждённой тогда Комиссии о коммерции, получив звание её корреспондента.

Связь П.И. Рычкова с Петербургской академией наук укрепилась благодаря общению с участниками академических экспедиций, посетивших в это время Оренбургский край. Они имели целью всестороннее научное обследование региона, предусматривавшее не только физико-географические и естественно-научные наблюдения, но и сбор сведений по экономике, истории, этнографии и лингвистике.

Руководители экспедиций П.С. Паллас, И.И. Лепёхин, И.П. Фальк, конечно, не могли обойти вниманием такого глубокого знатока края, как Рычков. Чтобы получить его советы и рекомендации, они специально заезжали в Спасское. Паллас и Лепёхин в своих путевых дневниках оставили записи о встречах с Рычковым. Его гостями были также Фальк и руководители астрономических экспедиций Х. Эйлер, В.Л. Крафт и Г.М. Лович. В отряд Палласа был включён сын Рычкова Николай, который совершил затем самостоятельное научное путешествие.

Между тем хозяйственные дела Рычкова шли не блестяще, и он решил вернуться на государственную службу. В 1769 г., получив должность начальника недавно учреждённого правления Оренбургских соляных дел, он вернулся в Оренбург, где его ждала нелёгкая работа. Ему предстояло навести порядок в добыче соли и в торговле ею, которая приносила значительный доход казне. Организация вывоза соли потребовала от Рычкова дальних поездок по краю в поисках удобных мест для устроения пристаней на реках.

Результатом этих занятий яви-

лась статья «Описание Илецкой соли, прежнего и нынешнего её добывания, а при том и отправления оной сухопутно и водою в разные места», опубликованная в 1772 г. В ней он дал подробную характеристику Илецкого соляного месторождения, назвав его «цедрым дарованием природы, которое она на потребность человеческую [...] на протяжении веки и в неизмеримом количестве предоставила»¹¹. В 1773 г. Рычков совершил служебную поездку в Москву, во время которой был принят в члены Вольного российского собрания — литературного общества, учреждённого при Московском университете в 1771 г. Это было свидетельством общественного признания его научных заслуг. На средства собрания в 1774 г. было напечатано его «Введение в Астраханскую историю» —тиражом в 1200 экземпляров.

Активная деятельность Рычкова была прервана Пугачёвским восстанием 1773—1775 гг. Он вместе с семьёй оставался в Оренбурге во время шестимесячной осады отрядом Пугачёва, в которой город устоял, несмотря на тяжёлые страдания, перенесённые его жителями. Рычков составил хронику этих событий, опираясь на собственные ежедневные записи и официальные документы. Впоследствии, работая над «Историей Пугачёва», его рукопись использовал А.С. Пушкин, который стал первым исследователем этого сочинения, названного им «Летописи Рычкова». Текст «Летописи» он опубликовал в приложении к своему труду, в разделе «Сказания современников».

Пушкин писал:

«Трудолюбивый Рычков, автор «Оренбургской топографии» и многих других умных и полезных изданий, оставил любопытную рукопись о сем времени. Я имел случай ею пользоваться. Она отличается смиренной добросовестностью в развитии истины, добродушием и дельным изложением оной, которые составляют неоспоримое достоинство учёных людей того времени»¹².

Отметив «обширные сведения Рычкова о Средней Азии и Оренбургском крае», Пушкин неоднократно цитировал его «Историю Оренбургскую» и «Топографию Оренбургской губернии», а «Летопись» рассматривал как наиболее достоверный исторический документ, ибо её автор непосредственно участвовал в событиях, связанных с «бедственной осадой» Оренбурга.

Объективное описание этих событий, в котором действия местного военного начальства предстали не в лучшем виде, послужило причиной обострения отношений автора с губернатором И.А. Рейнсдорпом. В дальнейшем они ещё более ухудшились, что прибавило неприятностей Рычкову в этот тяжёлый для него период жизни.

Крестьянская война нанесла огромный ущерб соляным делам, которыми заведовал Рычков. Сильно пострадал и он сам, так как его имена были разорены, а в Спасском погибли его библиотека и рукописи. В сражении с пугачёвцами погиб его старший сын Андрей, который в чине полковника командовал гарнизона Симбирска. Тяжёлые пере-

живания сказались на уже и раньше пошатнувшимся здоровье учёного.

Но несмотря на эти обстоятельства, Рычков продолжал напряжённо трудиться. Во время осады он, помимо «Летописи», написал статьи «О приготовлении в пищу во время крайней нужды говяжьих и бараньих кож» и «О бунте и злодействах Стеньки Разина и его единомышленников в Астрахани», а также завершил «Историю Оренбургскую», описав события с 1751 по 1774 гг.

Осенью 1774 г. по заданию генерал-аншефа П. И. Панина, который был назначен Екатериной II командовать правительственными войсками и наводить порядок в освобождённых от пугачёвцев областях, Рычков составил «Экстракты о киргизском и башкирском народах». Ему потребовалось изучить множество архивных дел, чтобы составить исторические справки об этих народах, об их нравах и обычаях, промыслах, торговле, об отношении к правительству. В это время он был назначен помощником оренбургского губернатора в учреждённую Паниным «экспедицию по всем иноподлежным и пограничным делам».

Несмотря на занятость по службе, семейные заботы и нездоровье, Рычков не прерывал своей постоянной работы по историко-краеведческому описанию Оренбургского края. Его последнее сочинением стал «Лексикон, или Словарь топографический Оренбургской губернии», который он завершил в 1777 г. В нём приведены в алфавитном порядке исторические, географические, экономические, естественно-научные термины и имена деятелей, связан-

ных с Оренбургским краем. При создании «Лексикона» Рычков не только использовал материал, вошедший в «Топографию Оренбургской губернии», но и сообщил сведения, полученные в период с 1762 по 1776 гг., включая крестьянскую войну.

За этот труд Екатерина II наградила Рычкова 15 000 рублей, что значительно поправило его расстроенные хозяйственные дела. В то же время указом императрицы он был переведён в Екатеринбург «главным командиром к тамашним заводским правлениям». Но на новом месте службы проявить себя Рычкову не довелось: серьёзно заболел по приезду, он скончался 15 октября 1777 г.

П.И. Рычков был одним из первых отечественных краеведов, досконально изучивших Южный Урал, его природные богатства, историю и быт населяющих его народов. Он также оставил достоверные свидетельства о важных событиях международной жизни своего времени — об отношениях России с Казахстаном и государствами Средней Азии. Поэтому несмотря на прошедшие века его труды по-прежнему представляют интерес для исследователей, занимающихся историей науки России XVIII в. А появившиеся в последнее десятилетие издания сочинений этого разностороннего учёного значительно упростили удовлетворение этого интереса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Записки Петра Ивановича Рычкова // Русский архив. 1905. Кн. 3. № 1. — С. 289—340.

² Там же. — С. 299.

³ Добросмыслов А.И. Материалы по истории России. Оренбург, 1900. Т. 1. — С. 90.

⁴ Матвеевский П.Е. К истории изучения географии и производительных сил Оренбургского края по рукописям и архивным документам XVIII в. // Известия Чкаловского (Оренбургского) отдела Географического общества СССР. 1948. Вып. 2. — С. 71—78.

⁵ Андреев А.И. Переписка В.Н. Татищева за 1746—1750 гг. // Исторический архив. 1951. Т. 6. — С. 240—314.

⁶ Записки Петра Ивановича Рычкова. С. 301.

⁷ Фель С.Е. Картография России XVIII в. М., 1960. — С. 203.

⁸ Матвеевский П.Е., Ефремов А.В. Пётр Иванович Рычков. М., 1991. — С. 59—113.

⁹ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии // Жизнь и деятельность П.И. Рычкова. Т. IV. Оренбург, 2011. — С. 19.

¹⁰ Записки Петра Ивановича Рычкова... С. 315.

¹¹ Рычков П.И. Описание Илецкой соли... и при том и об отправлении оной сухопутно и водой в разные места // Жизнь и деятельность П.И. Рычкова. Т. II. Оренбург. 2009. — С. 570.

¹² Пушкин А.С. История Пугачёва // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М., 1995. Т. 9. — С. 400.

Сергей Викторович Кальчев родился в 1977 году в Бузулуке Оренбургской области. Закончил исторический факультет и аспирантуру Самарского государственного педагогического университета. Защищал кандидатскую диссертацию по истории Уральского (Яицкого) казачьего войска. Автор книги «Обитель» о Спасо-Преображенском Бузулуцком мужском монастыре. Работал корреспондентом и ведущим на канале в Бузулуке, специальным корреспондентом газеты «Нефтяник Оренбуржья» и службы информационных программ «Вести Оренбуржья». Ныне — руководитель пресс-службы Бузулуцкой епархии, сотрудник Таманской экспедиции Института археологии РАН, ведущей раскопки крупнейшего в России памятника античного времени — древнегреческого города Фанагории. Живёт в Бузулуке.

Сергей КОЛЫЧЕВ

ГДЕ РОДИЛСЯ КАРАМЗИН?

Человек, который по известному выражению Пушкина открыл дремлющую Россию, как Колумб открыл Америку, оставил потомкам историческую загадку. И вот уже почти два столетия, минувших со дня его смерти, учёные никак не могут определиться с местом рождения великого историка и одного из основоположников русского литературного языка.

Для Оренбуржья этот вопрос не праздный, тем более что прошедший год — юбилейный. Н.М. Карамзин родился 1 (12) декабря 1766 года, умер в 1826 году. Изучив литературу и заглянув в Интернет, вы найдёте две главные версии о месте рождения Николая Михайловича — село Михайловка Бузулуцкого уезда Оренбургской (с 1851 года Самарской) губернии и село Знаменское Симбирской губернии. В 2011 году на канале «Культура» прошло несколько замечательных передач, посвящённых Карамзину, где как само собой разумеющееся озвучивалась «симбирская» версия. Но не всё так однозначно. И более того, до рево-

люции многие историки полагали, что историограф Российской империи родился всё-таки в Оренбургской губернии. Об этом я и хочу рассказать подробнее.

В 50 километрах к северу от Бузулука и поныне располагается село Преображенка (Карамзиха, Михайловка тож), которое в 1750-х годах основал Михаил Егорович Карамзин.¹ Там до сих пор стоит каменное здание старинной церкви, используемой как склад (в наше-то время!). Село, надо сказать, не бедствует, ибо в нём работает одно из крупнейших и успешных хозяйств Бузулуцкого района — СХА им. Державинского. Появилось оно на заре русского Оренбуржья. Первый наш губернатор И.И. Неплюев в 1750-е годы добился от правительства разрешения выделять землю офицерам, служившим на юго-восточной границе империи. Так, неподалёку от Бузулуцкой крепости и появились, сначала как деревни, Карамзиха, Державино и др. Основатели — отцы будущих знаменитостей. Чего стоит, например, имя Гаврилы Романовича Державина, ещё одного из столпов русской культуры, первого министра юстиции империи. В Державине ждёт реставрация церковь, построенная поэтом.

Точная дата основания Карамзи нам неизвестна. Академик Пётр Петрович Пекарский сообщил, что земли М.Е. Карамзину были выделены по указу Оренбургской губернской канцелярии от 14 июля 1752 года.² В том случае если речь идёт именно о землях, где впоследствии и была заселена Карамзиха, в том же 1752 году Михаил Егорович вряд ли начал бы переселять своих крестьян.

Это могло случиться как минимум на следующий год. То есть в 1753 году, а то и позже. Так или иначе, на карте Самарской дистанции крепостей, составленной Петром Ивановичем Рычковым и датированной 1759 годом, Карамзиха уже значится. В любом случае, это одна из первых русских деревень в Оренбуржье (в современных границах региона).

Основатель и первый владелец её симбирский помещик, капитан Михаил Егорович Карамзин (умер в 1782 г.), сын полковника Егора Петровича Карамзина (1669 — 1763 гг.), предком которого был Семён Карамзин, живший в конце XVI века. Отечество благодарно Карамзиным за их почти непрестанную ратную службу. Исследователь В.В. Сиповский писал: *«История этого рода, довольно сбивчивая, местами тёмная, тесно связана с Поволжьем. Это был мелкий дворянский род, сначала даже с трудом существовавший. Только царское жалованье поддерживало его. Талантами особенными никто из предков Карамзина не выделялся, — все они были рядовыми слугами Русской земли»*.³ До революции род Карамзиных был внесён во II, III и VI части родословных книг Курской, Нижегородской, Оренбургской, Самарской и Симбирской губерний. Первой женой Михаила Егоровича была Екатерина Петровна Пазухина. От этого брака родились сыновья Василий, Николай и Фёдор. Овдовев, Карамзин женился на Евдокии Гавриловне Дмитриевой. От этого брака родились Александр и Марфа.

Известный историк М.П. Погодин привёл такую характеристику на Михаила Егоровича: *«Простой*

сельский дворянин, о котором не осталось ни чего замечательного в памяти, жил обыкновенно в деревне и женат был два раза.⁴ Пусть так. Однако имя этого человека всё же примечательно для нас, так как он являлся одним из тех людей, которые осваивали Оренбуржье, как в качестве офицера, так и в качестве землевладельца. И уже только этим достоин он нашей памяти. После смерти Михайл Егорович оставил в качестве недвижимого наследства несколько сёл и деревень: Симбирского наместничества, Сентигейской округи село Знаменское 1) (Карамзину тож); 2) Уфимского наместничества, Бузулуцкой округи деревня Ключёвка; 3) Уфимского наместничества, Оренбургской волости, Бузулуцкой округа село Преображенское (Михайлово тож); 4) Симбирского наместничества Сызранской округи село Богоявленское, оставшееся ему от второй жены. Симбирское село Знаменское поделели между старшими братьями на три части. Оренбургские — село Преображенское отдали Василию и Федору, а деревню Ключёвку отдали Николаю.⁵

Напомню о дискуссии вокруг места рождения историографа. Она началась практически одновременно с общественным увековечиванием его светлой памяти в первой половине XIX века. Это движение инициировали друзья, соратники и почитатели таланта Николая Михайловича. Дворяне Симбирской губернии вознамерились воздвигнуть достойный памятник Н.М. Карамзину — общественную библиотеку с его бюстом. Одним из первых средства пожертвовали такие деятели нашей культу-

ры, как А.С. Пушкин, И.А. Крылов, Д.В. Давыдов. Наш современник ульяновский краевед Ж.А. Трофимов подробно описал эту историю в своих работах и тщательно изучил вопрос о месте рождения Н.М. Карамзина.

Как истинный патриот своей малой родины, он конечно же обосновывает симбирскую версию.⁶ Для этого у него есть все основания и даже больше... Сам Н.М. Карамзин написал, что родился 1 декабря 1766 года в Симбирской губернии. Он сообщил об этом в автобиографической справке, составленной по просьбе митрополита Русской православной церкви, преосвященнейшего Евгения (Болховитинина), историка русской литературы (и друга Г.Р. Державина) для «Словаря русских русских писателей». Казалось бы, о чём ещё говорить, что может быть достовернее собственноручного признания самого учёного? Но опять же, не тут-то было...

М.П. Погодин в «Похвальном слове» историографу, произнесенном в Симбирске в 1845 году, сначала указал Симбирскую губернию как место рождения Николая Михайловича без всякой конкретизации (сведения были взяты из автобиографической справки). В ходе же выступления местом рождения было названо село Богородское, а на следующий день — Карамзинка. Погодин был озадачен и попросил доставить ему точные сведения. И тот пошла писать губерния. На призв историка первыми откликнулись родственники. Издатель «Москвитинина», как опытный специалист, также всерьёз заинтересовался биографическими данными Карамзина

и, критически рассмотрев дату его рождения, пришёл к довольно убедительному выводу, что тот родился не в 1766, а в 1765 году. То есть историограф ошибся (неосознанно, надо полагать)... У М.П. Погодина (а его в научной деятельности отличало очень тщательно изучение первоисточников, что признаётся и поныне) не оставалось в этом никаких сомнений. В своей статье он сообщал: «Родился он (Н.М. Карамзин, — С.К.) в селе Карамзинка, в 30 верстах от Симбирска, по известию, сообщённому от Надежды Никитичны Ознобишиной, родной племянницы покойного Николая Михайловича».⁷

А вот дальше начинается самое интересное! Поэт Н.М. Языков сообщал, что Николай Михайлович по свидетельству его ещё здравствующего брата, Александра Михайловича, «родился в Оренбургской губернии в Бузулуцком уезде». Об этом, и также с ссылкой на А. М. Карамзина, писала Наталья Ивановна Дмитриева, сестра другого известного поэта-баснописца Ивана Ивановича Дмитриева. Она же сообщила такие подробности семейных преданий, которые ни до ни после сообщить не мог уже ни один участник дискуссии: «Что может быть вернее моей справки о родине Николая Михайловича от его родного брата. У него в книге записано рождение целого

их семейства, то где родился. Это истинно, что Николай Михайлович родился в Оренбургской губернии, в селе Михайловка, Преображенское тож. В Карамзинке родился меньшей его брат, сын моей тётки, Александр, а от первой жены дети все родились в Оренбургской губернии. Отец мой всегда смеялся, говоря

своему племяннику: братья твои родились в Оренбургской губернии, кругом башкир, и ни который не похож на башкира, а особенно Николай (у которого близна лица была необыкновенная), а ты родился около Симбирска и черен, как азиатец».⁸ Ну как не прислушаться к такому мнению?

Александр Михайлович Карамзин, брат историографа, родился в 1770 году, а умер где-то после 1846 года. Вот как его описывал в «Детских годах Багрова-внука» Сергей Тимофеевич Аксаков: «Карамзина все называли богатырём; и в самом деле редко можно было встретить человека такого крепкого мозгучего сложения. Он был высок ростом, необыкновенно широк в плечах, довольно толст и в то же время очень строен; грудь выдавалась у него вперед колесом, как говорится; нрав он имел горячий и веселый; нередко показывал он свою богатырскую силу, играя двухпудовыми гириями, как лёгкими шариками... я думал в

то же время, какой бы чудесный рыцарь вышел из Карамзина, если б надея на него латы и шлем и дать ему в руки щит и копье». ⁹ Опубликованы письма Николая Михайловича к своему младшему брату, которые показывают, сколь тесная привязанность была между ними, а кроме того в семье историографа проживали дети Александра Михайловича, которые учились и служили в Санкт-Петербурге. «Целую ручку у лобезной сестрицы Натальи Борисовны, обнимаю вас и всех детей. Жена и всё наше семейство вам дружески кланяются. Мы часто говорим о вас, лобезнейший братец, и с сердечным удовольствием вспоминаем о всех знаках вашей к нам родственной любви» — так в 1817 году писал историограф Александр Михайловичу в Бугуруслан. ¹⁰ Всего же опубликовано шесть писем, содержание которых не оставляет никаких сомнений в тесной родственной связи между братьями и частотой их общения. Там приводятся сообщения о семейных новостях, и вопросы делового характера. Согласитесь, ссылки на мнение родного брата историографа, прозвучавшие из двух источников, — весомое доказательство о месте его рождения. Ничего подобного у сторонников «сибирской версии» нет и в помине.

Очередное свидетельство о месте рождения Н.М. Карамзина привёл один из авторов «Самарских губернских ведомостей» К.Г. Ивлентьев в 1852 году: «...Михаил Егорович Карамзин ездил в Михайловку из своей сибирской деревни хозяйничать и охотиться. В один из таких приездов супруга его разрешилась

Историографом, который отсюда увезён в Симбирское имение». А вот как Константин Григорьевич описывал саму Михайловку: «Стоит при двух ключах, из коих образован пруд, и замечательно своим прекрасным местоположением. В ней крестьян 200 душ, две церкви и некогда был большой господский дом с садом и оранжереями. В доме была значительная библиотека старых книг, между коими хранилось полное собрание оригинальных произведений Карамзина. В этом доме родился Историограф, по уверению помещицы Карауловой, не так давно скончавшейся в преклонных летах, которая коротко знала всю фамилию Карамзиных». ¹¹

Обратим внимание на слова К.Г. Ивлентьева (не обращая пока к личности автора) о большом доме. Такие дома, да ещё с оранжереями не строят во второстепенных владениях. Михаил Егорович вкладывал в бузулукское имение серьёзные средства, заложил здесь две церкви. Одну наименовал во имя Святителя и Чудотворца Николая. Тем самым он по древней благочестивой традиции мог увековечить место рождения сына Николая, обращаясь к его святому покровителю. Открыл клировые записи по благочинию города Бузулука за 1837 год, в которые входили и сельские приходы, мы прочтём, что эта церковь построена в 1776 году «в тщанием покойного майора Михаила Карамзина». ¹²

Отметим, что празднование Николая зимнего приходится на шестое декабря, то есть на начало того же месяца, в котором и родился Николай Карамзин. Нельзя совершенно

исключать молитвенное призывание Карамзиным-старшим одного из самых почитаемых на Руси святых в день рождения сына. Благополучное разрешение супруги от родов и здоровье младенца (имя которому, очевидно, дали по святым) могли послужить и рождению обета Карамзина-отца святителю Николаю о построении храма в его честь. Можно предположить, что Николай Михайлович принял на бузулукской земле и Святое крещение. В то время неподалёку от села было несколько православных храмов, в том же Державине, Ляхове и в самом Бузулуке.

Скорее всего, Михаил Егорович желал сделать Михайловку своим новым родовым гнездом. Места, надо сказать, располагали для хозяйствования, охоты и услаждения человеческого взора. Рядом высились могучий сосновый бор, была возможность недорогого расширения земельных владений. Также подбиралось и недурственное общество, несравнимое, конечно, с сибирским, где бывали хорошие знакомые, а часто и родившиеся в нескольких поколениях дворянские семьи.

Но вернёмся к дискуссии. Она продолжилась и в 1857 году, когда Михаил Дмитриев со ссылкой на племянника историографа, «подтверждённое другими лицами» (впрочем, имя этого племянника, как и других лиц, не было известно), опубликовал «верхнейшее известие», которое просил принять «за окончательное решение о месте рождения нашего историографа». Он сообщал, что Н.М. Карамзин родился в Симбирской губернии, того же уезда в деревне Карамзинке (Знаменском). «Неко-

торые полагали, что он родился в Оренбургской губернии; но это решительно неверно. Оренбургская деревня, которую считали местом рождения, именуется Преображенское, она же и Михайловка, тогда ещё не была заселена: тут была в 1765 году степь. Я желал бы, чтоб будущие биографы Карамзина приняли это к сведению как окончательное решение вопроса о месте рождения нашего историографа». ¹³ В качестве второго доказательства М.А. Дмитриев приводил семейное предание о том, что мать Николая Михайловича, будучи беременной Фёдором, в 1767 году находилась в сибирской Карамзинке, и по причине своей беременности не могла видеть императрицу Екатерину II, которая была в губернском городе. ¹⁴

Пётр Пекарский, основательно порабатыв в стolicных архивах, по-счастлив опровержению статьи М.А. Дмитриева и вообще поддержке «оренбургской версии» целую статью. ¹⁵ Он убедительно доказал, что Преображенское было основано ещё в 1750-е годы, да к тому же рызаскал сведение о том, что соседом Карамзиных был помещик Александр Кудрявцев (откуда-то было известно, что тот являлся крёстным отцом Николая Михайловича). На этом, собственно, всё и завершилось. Все дальнейшие исследования жизни и творчества историографа только лишь придерживались той или иной точки зрения, или как это происходило чаще всего, сообщали об обеих. Статья П. Пекарского была опубликована в 1866 году, то есть спустя 101 год со дня рождения Н.М. Карамзина.

Прошёл ещё 131 год. Жорес

Александрович Трофимов (род. в 1924 году) — краевед, кандидат исторических наук, участник Великой Отечественной войны, автор более 30 книг об известных уроженцах Симбирской губернии, в т.ч. о членах семьи Ульяновых, подыал источники и, внимательно рассмотрев их, добавил к вышесказанному очень важную информацию о том, что земельные владения Александра Кудряшова и Михаила Карамзина граничили друг с другом и в Симбирской губернии. Он не только утверждал «симбирскую версию», но и вообще пришёл к выводу, что историограф родился в самом Симбирске. О чём, кажется, не указывая ни один из дореволюционных авторов. Отдельному рассмотрению подверглось и вышеприведённое сообщение К.Г. Евлентьева, которое он назвал «тенденциозным и малодостоверным». Но недавно открылись обстоятельства из жизни Константина Григорьевича Евлентьева (Евлентьев — творческий псевдоним) и взгляд на его жизнь заставляет очень серьёзно отнестись именно к его мнению. Пусть это будет выкладом современных бузулукских краеведов в защиту «оренбургской версии».

Итак, в большинстве работ сообщается, что К.Г. Евлентьев родился в 1824 году в Оренбурге, или попросту не указывается место его рождения (и здесь некая тайна окутывает это обстоятельство...) Известно, что Константин Григорьевич учился в Оренбургской гимназии, но, не закончив её, отправился в Казань, где держал экзамен и стал учителем. Он служил в уездных и приходских училищах Самарской, Казанской, Петербургской, Олонечкой и Псков-

ской губерний, а с середины 60-х годов — архиварием Псковского окружного суда.¹⁶ И где бы ему ни приходилось жить и работать, Евлентьев много и упорно исследовал местную старину, публиковался в губернских изданиях.

Но началось всё с Бузулука. Нам в наследство остались работы, значение которых трудно переоценить: «Сказание о Бузулуке», «Об иконостасе Смоленской церкви в с. Державино», «О храме в с. Могутово».¹⁷ В Казанской губернии он нашёл могилу жены известного петровского сподвижника Александра Меншикова, кроме того этот неутомимый исследователь посетил развалины древнего города Болгар и составил свои соображения по поводу его сохранения и музеефикации. Им был написан подробный план, который обсуждали на Первом археологическом съезде. Увы, хотя этому проекту и не суждено было сбыться, время показало, как стратегически верно мыслил наш земляк. В 1969 году там был образован музей-заповедник, а уже в XXI веке экс-руководитель Татарстана Минтимер Шаймиев возглавил фонд восстановления уникального историко-археологического памятника, и теперь там полным ходом идут восстановительные работы.

Талант Константина Григорьевича раскрылся во всей полноте на псковской земле. Ещё в городе Острове он провёл свои первые исследования по истории примечательных мест Северо-Западной Руси, но вскоре его перевели в Псков на должность архиварием окружного суда (надо думать, при содействии Б.П. Обухова, бузулукского помещика,

бывшего самарского губернатора, который в 1867 году губернаторствовал в Пскове). Там К.Г. Евлентьев прожил около двадцати лет и вместе со своими единомышленниками стоял у истоков действующих ныне областной библиотеки и государственного музея-заповедника.

Работы К.Г. Евлентьева получили известность в научных кругах. Его избирали членом Московского археологического общества, секретарём Псковской археологической комиссии. В трудах псковского археологического общества были помещены материалы для биографии К.Г. Евлентьева с портретом и список печатных работ, опубликованных в Пскове. Он исследовал местные достопримечательности, бродил по городским подземельям, находил и спасал древние рукописи. Книги не хватил, чтобы описать всю его деятельность. Очевидно, ему принадлежит право открытия такого знаменитого палеографического памятника XIII века как «Слово о погibelи земли Русской». Что и говорить, К.Г. Евлентьев был краеведом Божией милостью... В 1878 году великие князья Сергей Александрович и Павел Александрович за участие в раскопках псковских курганов пожаловали ему золотую, украшенную драгоценными камнями булавку. Несмотря на столь достойный жизненный путь, позже он скончался в одиночестве и болезнях в Санкт-Петербурге.

Закономерно, что в своё время Евлентьев не остался в стороне от дискуссии о месте рождения великого историка Н.М. Карамзина. Правда, никто не знал, насколько информированным человеком он являлся...

Что заставляло его переменять места жительства, что искал он вдали от родного дома? В обширной литературе, посвящённой нашему земляку, я не встретил ни одного упоминания об этом. Но совершенно ясно, что родина неизменно жила в его сердце. В 1874 году в «Псковских губернских ведомостях» К.Г. Евлентьев писал: «Сегодня выпал снег... Местная зима меня напомнила суровые, и вместе с тем великоленные зимы моей далёкой родины — Самарской губернии». Ну что же... Пришло время поднять завесу над тайной его рождения.

Как я уже говорил, долгое время о месте рождения Константина Григорьевича не было известно. Несколько лет назад старейший самарский краевед, профессор А.И. Носков сообщил мне, что по обнаруженным им материалам К.Г. Евлентьев значился бузулукским мещанином. После этого сообщения я приступил к активным поискам. На помощь пришёл бузулукский краевед Н.М. Макаров, который встречал в описях фондов Государственного архива Оренбургской области заголовки дела «О выдаче паспорта бузулукскому мещанину Евлентьеву». Но в ревизских сказках Бузулука такой фамилии ему уже не встречалось. Это, конечно, огорчило нас, но мы объединили усилия и спустя некоторое время разыскали искомое дело.¹⁸ Когда я приступил к его изучению, то окончательно уяснил, почему о родословной К.Г. Евлентьева так мало известно...

Привожу свидетельство священника Григория Костычева, написанное им в 1828 году и подшитое в дело о выдаче паспорта К.Г. Евлентьеву для поступления в Оренбургскую

гимназию: «Сим свидетельствую, что в Оренбургской епархии, Бузулукского уезда с. Карамзина, по Духовному ведомству, в Преображении Господня: господиня коллежского асессора Федора Михайловича Карамзина у крепостной его девицы Агафьи Стародубовой родился сын Константин, который крещен 1824 года декабря 18 дня. Восприимцем был священник Григорий Костычев из села Карамзина, г. Ф.М. Карамзина, дочь Александра Федоровна».¹⁸ Сам Константин Евлентьев писал в прошении: «Родился я от девицы Агафьи Стародубовой Евлентьевой — метрици г. Бузулука».¹⁹ В этом же деле приведены и другие сведения. В 1827 году матери Константина — Агафье 30 лет от роду и у нее четверо детей. Старшему Модесту — 9 лет, Софье — 5 лет, Косте — 3 года, а младшей дочери Лидии — 2 годика. По батюшке все они записаны Григория, то есть, по имени священника, который их и крестил. Как мы видим, мать краеведа, вначале крепостная, позже значится уже в сословии свободных людей — метрич г. Бузулука. И, что немаловажно, родился он в с. Карамзине (то есть там же, где по его последующим изысканиям родился Николай Михайлович Карамзин).

Всё это позволяет сделать остроумный вывод, что Константин Григорьевич, незаконнорожденный сын Федора Михайловича Карамзина, появился на свет в результате не случайной, а многолетней связи барина со своей крепостной девицей, которой он потом дал волюную. В то же время законная дочь Федора Михайловича Александра являлась

крестной матерью своего малолетнего брата. Выходит, что Константин Евлентьев — родной племянник

великого историка Николай Карамзина и, возможно, находился под влиянием деятельности своего дяди, он и увлёкся историческими исследованиями. В русской традиции это называется благим родством.

Судя по всему, Федор Карамзин принял активное участие в судьбе своего сына. Прошение о поступлении в гимназию Константин пишет самостоятельно, красивым и уверенным почерком меловка, привыкшего орудовать пером. Опять же, для обучения в гимназии нужны были немалые средства. Так что можно полагать, что о незаконной связи Федора Карамзина были осведомлены многие дворянские дома Бузулукского уезда. Константин хорошо знал фонды местного архива, сам уезд, много по нему путешествовал, обращая особое внимание на достопримечательные места. Несомненный исследовательский и публицистический талант, а также знание родного края проявились уже в его первых публикациях. У него было много близких знакомых в Бузулуке, его приняли в редакции «Оренбургских губернских ведомостей», где он и публиковал свои очерки. Так что Евлентьева можно назвать не только краеведом, но и одним из первых оренбургских и самарских журналистов. В любом случае, его заслуги в этих областях несомненны.

Будучи незаконнорожденным сыном помещика и крепостной, он не мог не испытывать на себе и грядущего своего положения. Вряд ли оно приветствовалось дворянским обществом и, вероятно, поэтому Констан-

тин Евлентьев вскоре покинул родной край. Итак, принимая во внимание все вышеприведенные сведения о его

жизни и деятельности, мы имеем все основания с полной серьезностью отнести к публикации Евлентьева о месте рождения Н.М. Карамзина и не считать её «малодостоверной и тенденциозной». Добавлю ещё, что заслуги этого замечательного краеведа были отмечены после его смерти и в Пекове, столь знаменитом в России на исторические события и где теперь есть улица, названная его именем. Так что в ряду Карамзиных на историческом поприще отличился не только Николай Михайлович. Но даже если Н.М. Карамзин и Константин Григорьевич Евлентьев не являлись родственниками, изыскания последнего не утрачивают своей ценности.

Подведём итоги. В дискуссии о месте рождения Карамзина приняли участие, главным образом, его родственники по второй жене отца, потом к процессу подключились известные историки и краеведы. Изучив опубликованные сведения, несложно убедиться, что свидетельства в пользу «оренбургской версии» изобилуют подробностями семейных преданий и не менее серьезно разработаны в краеведческом аспекте. В доводах в пользу «сибирской версии» вы не встретите, например, описания села Знаменского или дома, в котором мог родиться историкограф. В чём я убежден, и имею смелость говорить, так это то, что дискуссия о месте рождения Николая Карамзина могут продолжать краеведы (что прекрасно продемонстрировал Ж.А. Трофимов), не только пристально изучающие архивные документы и

литературные источники, но и которые непосредственно, опытным путём исследуют пространство родного края. Его предания и легенды, топонимику, старинные дома и церкви, человеческие судьбы.

Вряд ли наш великий историкограф предполагал, сколь серьезно последующие поколения историков и литераторов будут изучать его биографию. Конечно, точку в вопросе о месте рождения Н.М. Карамзина мы не поставили записи в метрической книге того прихода, где он был крещен. Но книга того времени в оренбургских архивах не сохранилась, как не сохранились их и в Национальном архиве Республики Татарстан (в 1765 — 66 гг. Бузулукский округ находился в церковно-административном подчинении Казанской епархии). Поскольку известно, таких записей не найдено и в Сибирске (Ульяновск). Дискуссия так и остаётся незавершенной. В то же время хочу особо отметить, и в чём я несколько не сомневаюсь, что духовной родной Н.М. Карамзина является Симбирск, где он провёл детские и отроческие годы. Однако светом своей искренней любви к отчеству и заслуженной славы он благословил и нашу землю, где служил его отец, где жили его любимые братья, куда он писал полные братской привязанности письма. И это нам еще предстоит осмыслить.

К вопросу о наследии Карамзиных в Оренбуржье и об их связи с нашим краем придется возвращаться в 2015 году, который укажем Президентом России Дмитрием Медведевым объявлен годом Николая Михайловича Карамзина. У нас есть все возможности встретить его достойно.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ РГВИА Ф. 414. Оп.1. Д. 333.
- ² Пекарский П.П. «Старинное известие об имени Карамзинных: село Михайловское-Преображенское»//Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву с примечаниями и указателем, составленными Я. Гротом и П. Пекарским. СПб.1866. — С. 437.
- ³ Сиповский В.В. О предках Н.М. Карамзина // Русская старина, 1898. — Т. 93. — № 2. — С. 431-435. — Сетевая версия — И. Ремизова. 2006. http://mikv1.narod.ru/text/Sipovsk_RS98t93n2.htm Дата обращения 9 января 2012 г.
- ⁴ Погодин М.П. «Николай Михайлович Карамзин»// Москвитянин. Ч. 2. № 3. Москва. 1846.
- ⁵ Сиповский В.В. О предках Н.М. Карамзина // Русская старина, 1898. — Т. 93. — № 2. — С. 431-435. — Сетевая версия — И. Ремизова. 2006.) http://mikv1.narod.ru/text/Sipovsk_RS98t93n2.htm Дата обращения 9 января 2012 г.
- ⁶ Трофимов Ж.А. Симбирск и симбиряне: Исторические и литературные поиски. Ульяновск. 1997. — С. 111-128.
- ⁷ Погодин Н.П. «Несколько замечаний к первой статье о Карамзине»// Москвитянин. Ч. 2. № 4. Москва. 1846.
- ⁸ Погодин Н.П. «Несколько замечаний к первой статье о Карамзине»// Москвитянин. Ч. 2. № 4. Москва. 1846.
- ⁹ Аскаков С.Т. Детские годы Багрова-внука. Москва. 2007. — С. 482, 483.
- ¹⁰ Карамзин Н. М. Письмо Карамзину А. М., 1 июня 1817 г. Царское Село // Российский архив: История Отечества в свидетельствах

и документах XVIII — XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. архив, 1992. — С. 34. — [Т.] II — III.

¹¹ Ивлентьев К. «Несколько слов о месте рождения историографа Карамзина»//Самарские губернские ведомости. Неофициальная часть. 22 марта 1852 г. С. 165, 166.

¹² Ивлентьев К. «Несколько слов о месте рождения историографа Карамзина»//Самарские губернские ведомости. Неофициальная часть. 22 марта 1852 г. С. 165, 166.

¹³ Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти // Дмитриев М.А. Московские элегии. — М.: Московский рабочий, 1985. — С. 141 — 302. Цит. по http://az.lib.ru/d/dmitriev_m_a/text_0080.shtml.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Пекарский П.П. «Старинное известие об имени Карамзинных: село Михайловское-Преображенское»//Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву с примечаниями и указателем, составленными Я. Гротом и П. Пекарским. СПб. 1866. — С. 457.

¹⁶ Медников М.М. «Константин Григорьевич Евлентьев»//Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 22. Псков. 2005. — С. 206. <http://www.dervjapavskov.ru/reg/regprsknaukpraktjournal/2251/>

¹⁷ Ивлентьев К. «Сказание о Бузулуке»// Оренбургские губернские ведомости. Часть неофициальная. № 4. 14 октября. 1850; Он же. «Бузулук»//Оренбургские губернские ведомости. Часть неофициальная. № 29. 22 июля 1850 года. Л. 142,143.

¹⁸ ГАОО Ф. 173. Оп. 8а. Д.1907.

¹⁹ Там же. Л. 2.

²⁰ Там же. Л. 1.

Александр Николаевич Чебачёв родился в Оренбурге в 1951 году. Окончил Оренбургский филиал Всесоюзного юридического заочного института.

Работал электриком в троллейбусном управлении, секретарём комитета комсомола,

в аттаре Оренбургского обкома ВЛКСМ. С 1980 года — адвокат, член Адвокатской

Палаты Оренбургской области, его фамилия

в списке 100 лучших

адвокатов России

(по опросу журнала «Огонёк»).

Живёт в Оренбурге.

Александр ЧЕБАЧЁВ

«СУД СКОРЫЙ, ПРАВЫЙ И МИЛОСТИВЫЙ», ИЛИ «ДЕЛО С ХВОСТИКОМ»*

Судебная реформа 1864 года реально начала действовать в Оренбургском крае с 30-летней задержкой по сравнению с Европейской частью России.

Для этого были объективные причины и одна из них — столкновение двух цивилизаций на границах расширяющейся империи.

В киргиз-кайсацких степях, населённых кочевыми народами, основным законом судостроительства было следующее положение: никто не имеет права не только наказывать кого бы то ни было за содеянное преступление, но даже выговаривать; точно так же как никто не смеет другому что-либо приказывать или самовольно взыскивать.

Правда, этот закон во всей своей полноте относился лишь к мужчинам, так как женщины и дети во всём, безусловно, подчиняясь родительской власти, не смели жаловаться на

* Из готовящейся к печати книги А.Н. Чебачёва «История судебной реформы 1864 года и адвокатуры Южного Урала»

эту власть кому бы то ни было, не смели взыскать с этой власти своих убытков и обид.

Конфликты между членами отдельных семей передавались на суд общественного приговора через главу своего семейства. Таким образом, глава семьи являлся представителем её интересов, истцом и ответчиком в народном суде.

Би, старшины и аскакалы — вот те лица, которым народ доверил охранение своих прав и обязанностей.

Хотя термин «бий» указывает на лицо судебной профессии, а «аскакал» — на преклонность возраста¹, по существу дела эти названия, взаимно дополняя друг друга, обозначают одно и то же.

Бий и аскакал, как люди хорошо знакомые с бытом кочевой жизни киргизского народа, являлись естественными посредниками спорящих сторон. Уважая устоявшиеся обычаи и традиции, права своего народа, они пользовались взаимным доверием киргизов, как истцов и ответчиков.

«Тяжба прекращает не оратор, а опытный судья» — гласит киргизская народная поговорка, подчёркивая то, что личные качества судьи играют первую роль в тяжёлом процессе.

Из биев поэтому пользовался большей известностью тот, который заявил о себе искусным в решении казуистических вопросов, который имел большой запас знаний и обладал природным умом и даром красноречия. Киргизы отводили видное место судовождению, заявляя, что первое искусство — красноречие, а второе — стрельба.

При равных достоинствах знаний и природных дарований из двух биев выбирался старший годами. И сегодня можно услышать — у молодого судьи не ищи правосудия.

В выборе судей киргизы не были стеснены какими-либо ограниченными условиями или обязательствами.

Даже убийство человека («Ердин купу») имел право разбирать всякий, кого выберут стороны.²

Пророгационные или третейские договоры встречались сплошь и рядом в киргизском быту.

Конвенционный суд (forum conventionis), можно сказать, излюбленная форма киргизского судововодства.

Истец и ответчик являлись к избранному лицу, бросали перед ним плети (в знак предостережения себя в полное его распоряжение) и тем символизировали свою готовность подчиниться его приговору. Недовольный решением избранного судьи в случае сопротивления его приговору подвергался ударам брошенной плетью.

В спорах двух родов выбор судьи obavлялся процедурой, направленной к установлению однотипного состава судебной коллегии.

Претендующий род посылал к влиятельным лицам противной стороны своих представителей с требованиями судебного удовлетворения.

Род обидчика, уведомлённый об обращении к нему искового требования, совместно с родом обиженного, избрав по соглашению одного и того же бия, уполномочивали его пригласить на судебное разбирательство ещё шесть-семь биев, солидарных с ним. Подобный коллективный суд

биев именовался «джунгунус». При решении дел особой важности в судебном совещании могли участвовать от восьми до двадцати четырёх судей. Такой состав именовался «кенгес».

Выбранный взаимным соглашением тяжущихся, бий, будучи председателем кенгеса, посылал гонцов во все стороны широкой степи звать любезных ему глашатаев правды народной.

В то же время в ауле, назначенном для разбора дела, шли спешные приготовления к предстоящему судовождению: свозились подарки для судей, угощения для народа.

Аул оживал... Часто импровизированный плебисцит открывали прибывшие бии, оживляли находчивые аскакалы, а направляли сами тяжущиеся стороны и их сметливые поручители.

Таким образом, во всех комбинациях народного судовостройства основной исключительной единицей судебной власти являлся бий — живая летопись народа, законовед народного правосознания.

В различных перипетиях кочевой жизни киргизского народа бии были его наставниками и учителями, преподавая нормы общезиятия, разрешая встречающиеся вопросы жизни.

Это была любимая народом судебная власть в Малой Орде. «Бий покажет своё правосудие и не покривит душой», — искренне и убеждённо говорили степные кочевники. В простоте душевной киргиз был твёрдо убеждён, что судьи не подлежат наказанию, а отвечают перед Богом в будущем веке.

Если же иногда бывали случаи сопротивления судебским решениям, то они вызывались или несоблюдением требуемых народом законообчных форм судопроизводства, или крайне раздражённым чувством мстительности.

Во всяком случае, у киргизов была установлена одна судебная инстанция. Был ли то единичный суд бия, или коллективный кенгес.

Народное судопроизводство киргизов было гласным, публичным, несложным и непродолжительным.

Долгими годами своей жизни кочевой народ выработал своеобразную, но вполне понятную ему структуру судебных процессов, обходя столь вредный для правосудия бюрократический произвол.

В.В. Григорьев, исследователь быта киргизов, отмечал: «У киргизов приобретение уважения между своими — первый стимул их действия, а чувство стыда — могущественный рычаг, останавливающий их страсти».³

«Поэтому, вопреки всем исследованиям народного быта киргиз, видевшим в их наказаниях исключительно цель мщения, я положительно утверждаю, что цель уголовной репрессии киргиз — мсть, устрашение, предупреждение и нравственно-бытовое пристыжение преступников».⁴

«Наказание — смертная казнь через побивание камнями вероотступника, повешение прелюбодея на конце верёвки, которую перебрывали через стипу верблюда, растерзание разбойника посредством привязывания его к конским хвостам, сжигание вора на горящих

углях костра, голодная смерть в яме, сажание на кол и целый ряд членораздельных наказаний плетью и кенжегами (чересседельными ремнями)».

Вместе с тем провинившийся в неуважении к основам строя и жизни рода или семьи подвергался наказанию посрамлением, называемым «обходом народа», — пишет В.В. Григорьев.

«Винному связывают руки за спиной, мажут лицо сажею, надевают на шею верёвку и вводят по аулу. Спереди один человек тащит его, сзади верховой подгоняет и бьёт. Самым распространённым наказанием являлось и материальное возмещение потерявшего.

Система штрафов делалась по виду правонарушений на большие и мелкие, скотом и вещами, или на куну и ашты.

Впоследствии с переходом к денежному счёту счёт штрафов скотом во многих приговорах заменяется счётом на тиль, причём тиль, равный 3 руб. 80 коп. на русские деньги, соответствовал айпуну барану.

Преступления первого разряда, каковы по народным воззрениям: убийство, изнасилование и искалечение беременной женщины — влекут за собой уплату полного куну, или большого штрафа. Термин «кун» как выкупной вариант известен и в законодательном памятнике Московской Руси. В Псковской судной грамоте говорится: «На трупу кунь не имати», то есть победитель судебного поединка лишается права искового удовлетворения, взамен чего по-

лучает доспехи убитого. Размер платы мужского куну у киргиз колеблется приблизительно между 50 и 100 верблюдами, или 100 и 200 лошадыми, или же 500 и 1000 баранями». За убийство султана³ платится полуторный кун. Бывают и теперь случаи, когда влиятельная родня взыскивает за убийство родоначальника до трёх куну. Вообще же число голов куну зависит как от социального положения жертвы преступления, так и от состоятельности тяжущихся родов. Например, в песне на смерть хана Джангера говорится: «Куну храбрых ценится в 100 лошадей, а куну Джангера дороже миллиона голов скота».⁶ «Одна половина куну под именем «алты-жаксы» берётся лучшим, отборным скотом, а другая, называющаяся «кара-кун», берётся без выбора, подряд».

«Женский кун или кун за убийство женщины, по особому значению её, у киргиз⁷ равняется половине мужского куну. Киргизы так последовательно оттеняют правовую приличность женщины, что даже выкидыш женского пола оплачивается половиной соответствующего куну. Только убийство или искалечение беременной женщины вызывает необходимость уплаты полного куну...»⁸

«За насилье над просватанной девушкой бии присуждали насильно заплатить сверх куну ещё и калым, так как жених обезличенной может потребовать свой калым обратно. Предмет посягательства в изнасиловании киргизы видели не в праве половой свободы женщины, как констатируем насильственное

любодеяние мы, а в праве мужчины на целомудрие женщины в смысле её физической девственности и исключительной его принадлежности. При таком взгляде понятно, почему жених вправе искать за целомудрие невесты.

За увечья, которые по большей или меньшей важности повреждённых частей тела могут равняться, по понятиям киргиз, половец, четверти или восьмой жизни человека, взыскивается половинный, четвертой или осмынный кун. Слепление глаза, отрезание языка, например, равняются половинному куну. Повреждение правой руки или ноги оплачивается четвертью куну. За левую руку или ногу полагается восьмая часть куну. Получение частичного куну как бы уменьшает стоимость человека, умяляет значение его собственной личности, так как убийство того, кто ещё при жизни получил за увечья половину куну, ограничивается по адуу взысканием оставшегося полкуну. Классифицируя телесные повреждения, киргизский суд обращает внимание исключительно на степень экономического вреда или повреждения мускульной рабочей силы потерпевшего. Патологическим признакам тут нет места и достодолжного значения».

«Преступления второго ранга, как-то: воровство, грабёж, барант, испуг женщины, последствием чего был выкидыш, тяжкое нанесение побоев, почти всегда сводились к айпам, или малым штрафам. Нормальный тип айпа равняется 27-ми головам разного скота, или трём тогузам.

Особенность тогуза следующая: тогда как кун, даже при возможности уплаты его со стороны виновного, раскладывается на родственников, именуемых кундасами, тогуз должен быть уплачен сполна самим виновным без помощи родичей, которые призываются к участию лишь в случае несостоятельности осуждённого. «Если у обвинённого не окажется взыскиваемого имущества, то взыскать следующее с его родственников» — обычная резолюция дел о «тогуз-ахъ». В 1886 г. официально отмечено практиковавшееся народными судьями взыскание присуждённого с родственников несостоятельного преступника».⁹

«Тогуз» значит девять, а на правовом языке киргизов будет означать девять штрафных штук скота или вещей. Во главе каждого тогуза должен стоять непременно верблюд, лошадь или бык. «Дальнейший состав тогуза зависит от взаимного согласия тяжущихся и от важности преступления, за которое положено взыскание этого рода...»

С 1844 года, когда решение уголовных дел Малой Орды отнесено ведомству русских судов¹⁰, киргизская система оштрафований виновного должна была претерпеть много изменений. Дело в том, что киргизы избегали русского суда, а если бы преступление открылось русским, то киргизы перерешали или, вернее, предрешали дело своим судом»¹¹. «При таком положении дела сторона, которой приходилось платить кун, не могла быть уверена в том, что она сохранит своему преступнику свободу и

избавит его от следующей репрессии русского закона, так как всякое умышленное преступление, как бы тщательно не прятали концы его в воду, всё же может быть обнаружено русской властью. Поэтому, что такая неопределённость положения преступника, особенно тяжело ложившаяся на психологию последнего, должна была смягчить суровость материальных взысканий прежнего времени. И вот явился новый, маленький кун. Его платят не публично, а тайно и по-прежнему аккуратно, под страхом доноса обиженной стороны русским властям¹². Так, прежний кун в 1000 баранов уменьшился до простого аипа, т. е. до 27 голов крупной скотины, в числе которой, кроме лошадей и коров, нередко попадают и отборные бараны...»

«При исполнении некоторых наказаний, как, например, при уплате кун за убийство или пленение, происходит ряд действий, имеющих в виду присудить преступника, пронести имя его «яко зло» по родной степи. Так, получая кун, потерпевшая сторона садится на лошадей, вскачь несётся с криком к юрте убийцы, выражая этим, что бы она сделала, если бы виновная сторона не согласилась на примирение.

Пленюбодя при входе в юрту оскорблённого встречают словами: «жаксы уйго кералмаймыз, жаман уйго сыймаймыз» — «у хорошего человека тебя не примут, да и у дурного для тебя нет места». За воровство у своих односельцев взысканные судом бараны перего-

нались иногда чрез простёртого на земле преступника».

«Нравственное пристыжение киргизского злоста выражается у киргиз запрещением ему посещать всякие собрания односельцев. «Олумонун уйат кугушу» — стыдильная смерть, — говорят киргизы, а потому исключительно позорящие наказания, кроме вышеуказанного, налагаются народным судом редко и практикуются, главным образом, при оскорблениях чести равными общественному положению лицами.»

«Теперь, мне кажется, можно сказать, что киргизские наказания, возмещающая с лихвою вред и убытки правонарушений, носят в себе признаки расчётливости, обдуманности, соразмерности (соразмерности относительной, так как уравновешивает преступление и наказание посредством материального возмездия нельзя), но, к сожалению, совершенно не дают места пенитенциарно-исправительной системе криминальных взысканий. Они осмыслили чувство мести (инстинкт мести, по выражению Иелинника, знает лишь одну мерку — «степень возбуждения и силу, которая сгруппирована в индивидуум»¹³, свели его к немногим определённым требованиям, и в этом ценная для нас заслуга народно-юридической работы кочевника».

В 1730-х годах тенденции централизации государственного управления и унификации общественных отношений в юридической политике абсолютной монархии усилились.

Адаптация киргиз-кайсаков в

систему империи проводилась посредством создания и санкционирования особых низших судов, применяющих нормы обычного и религиозного права. Так, калмыцкий суд, подотчётный Оренбургской губернской канцелярии, был учреждён с соблюдением традиций для старокалмыцких кочевников, принявших православие.

В 1738 году Татищев В.Н., следуя правительственным инструкциям и рекомендациям, осуществил первую попытку организации в Оренбурге представительства суда с участием российских купцов и казахских депутатов, уполномоченных ханом Абулхайром.

В «Привилегиях Оренбургу» Елизаветы Петровны 1743 года был определён «Нижний градский суд».

Первый состав оренбургского магистрата из трёх бургомистров и шести ратсгеров представлялось и шести представителей «выбрать всему гражданству по большому числу голосов из природных российских и из иноверных, кои в гражданство запишутся».

Кандидатов должен был утверждать городской начальник «в присутствии лучших граждан». В дальнейшем замещение открывшихся вакансий могли производить члены магистрата, получившие по должности чины IX и X классов, «достоинство и честь шляхетскую», при участии местных «старшин».

«Нижний градский суд» представляли двое членов магистрата, бургомистр и ратсгер. В интересах ответчиков в коллегию дополнительно вводились корпоративные депутаты: двое «российских гражданских

старшин» или двое-трое иноверных «лучших и искусных людей».

Суд для обывателей предписывалось вершить «по указам, сколько возможно согласуясь с их обычаями и правами, справедливо, без всякой волокиты и, невзирая на сильного и богатого, но всем равный», обеспечивая переводы документов, «обабы всяк знал на своём языке, почему он оправдан или обвинён».

«Градский командир» исполнял роль специального надзорного органа, принимая жалобы на постановления магистрата. Для пересмотра дела офицер должен был пригласить судей «и, учиня присягу в правосудии, решить обще».

Апелляционные прошения сторон поступали в Сенат Российской империи или Сенатскую канцелю, обязанные разобрать дело «по тем же правам и обычаям, по которым в градском решено». Более подробный «регламент» доверялось составить городским властям.

Малочисленность купечества, неразвитость торговых связей не позволяли следующему губернатору Неплюеву И.И. в полной мере реализовать привилегии, данные Оренбургу.

Результатом длительного политического воздействия на родоплеменное общество Младшего Жуза стало сокращение в 30 — 40-х годах полномочий традиционного киргиз-кайсацкого суда.

Способствовало этому и воцарение Е. Пугачёва в 1773 — 1774 годах.

Государственная власть проявила жёсткость при установлении официального порядка в пограничной

Башкирии, подчинении законам и удержании в подданстве киргизов, подавлении казачьей волости на Яике, неуклонно укрепляя рубежи с областью кочевания этноса, разделённого между множеством самостоятельных владельцев.

Слабость политического влияния лидеров казахских жузов, соперничество родовой знати в духе традиций «военной демократии» влекли непрекращающиеся внутренние противостояния и междоусобия в степях, сопровождающиеся разорением кочевий, грабежом купеческих караванов, а также преступлениями в российских пределах, участвовавших с падением Джунгарии.

Пограничную ситуацию усугубляли своевольные провокации и ответные нападения уральских казаков и башкирских отрядов.

Ещё до восстания Е. Пугачёва, а особенно после его подавления, преступления военнотрудового населения Оренбургского края, убийства, разбои, грабежи, баранта, захват россиян и возмущение спелемники, совершённые киргизами, карались военными судами.

В правлении Екатерины II развитие получила система органов прокурорского надзора. Уже в 1760-х гг. число должностей прокурорской службы резко возросло после учреждения провинциального звена.

Положение от 07.11.1775 г. «О прокурорской и стряпачьей деятельности» обновило структуру губернской прокуратуры, регламентации её функций.

Правительство извлекло уроки из «бессмысленного и беспощадного русского бунта», возглавляемого

яицким казаком. Вследствие реформы в состав местной прокуратуры вошли прокуроры и стряпчие при губернских правлениях и палатах, сословных судах второй инстанции, наконец, уездных присутственных мест.

Перед губернскими чиновниками верховная власть, прежде всего, поставила задачи правового ограничения деятельности губернской администрации, юридически закрепив их независимость.

Назначение губернских и судебных прокуроров проводилось в Сенате при активном участии генерал-прокурора.

Позднее Сенат комментировал необходимость аттестации ведомственным начальством.

«...Поляза службы требует, дабы прокурор, как блюститель за точным исполнением законов, и как чиновник, ни в чём губернатору не подчинённый, никогда с ним и в тесной оружейской связи не был... ибо в сем последнем случае верховное правительство ни через кого уже по обязанности ни в каких беспорядках в губернии и узнавать не будет иметь способа...»

Губернский стряпчий, будучи блюстителем за повсеместным в губернии исполнением законов, в случае каких-либо по делам службы несогласий его с начальником губернии... может навлекать к себе со стороны его нерасположение, и, следовательно, если бы аттестация зависела от губернатора, они могли бы при всей похвальной службе своей лишиться справедливой по оной удостоения...»

Таким образом, взаимоотноше-

ния прокурора и начальника губернии строились на обоюдном уважении должностного влияния.

Суд центральной части Российской империи, как уже отмечалось, строился на принципе отсловности, его деятельность была сложной, запутанной и недоступной народу. Многомиллионная масса крепостных крестьян не имела права обращаться в государственные суды. Помещик своей властью мог передавать принадлежащих ему крестьян в арестантские роты сроком до 6 месяцев, в рабочие дома до 3-х месяцев, подвергать аресту до 2-х месяцев, наказывать розгами до 40 ударов, отдавать в солдаты илисылать в Сибирь, на Урал.

В ноябре 1775 года Екатериной II был принят Закон «Об учреждении для управления губернией Всероссийской империи». Согласно ему были образованы губернские суды, уездные, общегражданские. Прокурорам и стряпчим вменялось по долгу «быть выискателями исполнения указанного наказания преступлению, а невинности защитю».

Занимаясь историей проведения судебной реформы 1864 года в Оренбургском крае и, в частности, историей Оренбургской губернской адвокатуры, я нашёл интересные материалы об одном из судебных процессов, наделавшем шуму в провинциальном Оренбурге.

«Серенкая обыденная действительность, захолустная жизнь не давала почвы для громких процессов. Если и совершались «громкие деяния» — то их герои были слишком высокие по общественному положению и не подлежали обще-

ственному суду», — писал в своей книге «Город Оренбург» историк и исследователь П.Н. Столянский.

Это замечание перекликалось со строчками Аполлона Григорьева, жившего в Оренбурге в 1861 — 1862 гг. и охарактеризовавшего город как «смесь скверной деревни с казармой». Поэт посвятил Оренбургу четверостишие:

*Скучный город скучной степи,
Самовласть гнусный стан,
У ворот — острог, да цепи,
А внутри — иль хам, иль хан.*

Правда, в 1880 г. сильное лоббистство оренбуржцев было возбуждено преданием суду одного из местных частных поверенных по обвинению в подлоге духовного завещания, известным под именем «Дело с хвостиком».

Газета «Оренбургский листок» очень подробно описала процесс в 12-ти номерах с декабря 1880 года по май 1881-го.

К сожалению, в государственном архиве Оренбургской области данных номеров не сохранилось.

Сотрудники его, настоящие подвижники архивного дела, сказали: *«Есть в Оренбурге только одна женщина, которая может вам помочь!»* Так я познакомился с Татьяной Васильевной Медведевой — заведующей сектором редкой книги областной универсальной научной библиотеки им. Н.К. Крупской.

Татьяна Васильевна по моей просьбе связалась с «Российской национальной библиотекой» в г. Санкт-Петербурге, запросила ксерокопии необходимых статей и через два

месяца я погрузился в события давно минувших дней.

Суть «Дела с хвостиком» была в следующем.

В 1878 году умирает в Верхнеуральске миллионщик, местный купец П. П. Рытов, после него остаётся духовное завещание. Это завещание, между прочим, было подписано свидетелем-священником Агишевым, а в тексте завещания этот же Агишев упомянут наследополучателем суммы в 500,00 руб. В данном случае духовное завещание должно быть признано недействительным. Но с ним произошла метаморфоза — оказалось, что в тексте завещания стоит не Агишев, а Агичев. Появившаяся в фамилии буква «ш» означала, что в этом случае завещание должно быть утверждено, но возник вопрос о подлоге, а в результате — суд.

«Дело с хвостиком» и сегодня интересно несколькими обстоятельствами.

Во-первых, на скамье подсудимых оказался дворянин Минской губернии Константин Максимилианович Яновский, 34 лет, католик, поляк и воспитанник минской гимназии. Он не мог на родине поступить на коронную службу, хотя по бедности искал её.

Бывший учитель Яновского, инспектор минской гимназии Эдмунд Станиславович Страмлинский (известный в Оренбурге деятель и частный педагог) оказал Яновскому, уже семейному человеку, свою протекцию, по которой тот очутился в 1872 году в штате чиновников Оренбургской судебной палаты.

Скоро Яновский за исправность

по службе сделан был столоначальником палаты и затем надсмотрщиком крепостного стола. Но в 1874 году подудло «новым веянием» и многие члены, в том числе и Яновский, вышли в отставку. Очутившись на свободе отставным коллежским регистратором, Яновский занялся ходатайствованием по чужим делам и среди безграмотных «аблакатов» из подъячих скоро завоевал себе известность.

Как писал журналист «Оренбургского листка»: «У Яновского *являются дома, экипажи, лошади, капиталы...* Яновский имеет друзей, имеет, конечно, врагов и бьёт на широкую руку...»¹⁴

Во-вторых, судебные Уставы Александра II 1864 года, провозгласившие «суд скорый, правый и милостивый», и через 16 лет так и не дошли до Оренбурга...

В конце 1865-1866 годов было образовано только два судебных округа — петербургский и московский, объединившие 10 губерний.

Судебная реформа растянулась в Российской империи на три десятилетия.

В Оренбурге реформа заключалась в том, что в 1865 году уголовную и гражданскую палаты объединили в палату гражданского и уголовного судов. Лишь 13 февраля 1879 года состоялось открытие мирового съезда в Оренбурге. Не было к тому времени в губернии ни судов с присяжными, ни совета присяжных поверенных (адвокатов).

16 декабря 1880 года в 12 часов дня открылось заседание Оренбургской соединённой палаты уголовного и гражданского суда по делу о

дворянине Константине Максимилиановиче Яновском и верхнеуральском купце Михаиле Овсяннике, обвиняемых в подлоге духовного завещания верхнеуральского купца Рытова.

В состав суда вошли председатель палаты Ю. И. Рохальский, товарищ председателя Шмидт, члены Сафайлов, Алтухов, Кельбеке, Ладныхников и Чернышов, обвинял губернский прокурор А. Дитлов.

Многочисленная публика наполнила обширный зал военно-окружного суда, любезно предложенный военным начальством палате, так как её помещение едва было достаточно для 40 человек. Публика пускалась по билетам, которых было выдано около 300 штук.

Передние ряды были заняты дамами и генералами различных ведомств. Позади судейского стола поместились лица судейского ведомства — военного и гражданского во главе с начальником края генерал-губернатором Н. А. Крыжановским и управляющим его канцелярией, тайным советником А. Д. Холодковским.

Близ защитника за особым столом разместились специально приехавшая из Петербурга стенографистка.

Вновь отделанный после пожара 1879 года огромный зал имел весьма эффектный вид. Можно сказать, что Оренбург ещё не видел такого блестящего и многолюдного собрания публики в суде.

Любопытство оренбуржцев было в высшей степени возбуждено этим делом. С февраля 1879 года имя Яновского сделалось «пресловутым»

не только в Оренбурге и в Оренбургском крае. О деле Яновского было немало корреспонденций даже в газетах обеих столиц.

О «Деле с хвостиком» давно ходили разнообразные слухи; говорили, что именно оно вызвало ревизию, произведённую в апреле 1880 года товарищем обер-прокурором Жуковым, имевшую результатом перемену личного состава Оренбургской судебной палаты.

Немало интереса возбуждало появление нового прокурора и знаменитого защитника Веры Засулич, присяжного поверенного Александра.

Пётр Акимович Александров был одним из видных представителей русского судебного красноречия, хотя сознательно он никогда не готовил себя к адвокатской деятельности. Сын священника из Орловской губернии, он окончил юридический факультет Московского императорского университета, после чего в течение 15 лет занимал различные должности по министерству юстиции: товарищ прокурора Петербургского окружного суда, прокурор Псковского окружного суда, товарищ прокурора Петербургской судебной палаты и, наконец, товарищ обер-прокурора кассационного департамента Правительствующего сената.

В 1876 году Александров после служебного конфликта, вызванного неодобрением начальства его заключения в суде по одному из дел, где он выступил в защиту свободы печати, вышел в отставку и в этом же году поступил в адвокатуру.

Как защитник, Александров об-

ратил на себя внимание выступлением в известном политическом процессе «193-х». Дело слушалось в 1877 – 1878 гг. в Петербургском окружном суде при закрытых дверях. В качестве защитников в процессе принимали участие лучшие силы петербургской адвокатуры.

До того малоизвестный как адвокат, Александр привлек внимание общественности прудманной речью и умелой убедительной полемикой с прокурором.

Отвечая на бестактную выходку обвинителя Желеховского, заявившего, что почти 100 оправданных по этому делу обвиняемых были привлечены им для «составления фона» остальным подсудимым, Александр в своей речи *погрози* Желеховскому *потомством, которое прибьёт его имя к позорному столбу гвоздём... и гвоздём острым*¹⁵.

Вскоре вслед за этим делом в Петербургском окружном суде слушалось дело по обвинению Веры Засулич в покушении на убийство петербургского градоначальника генерала Трепова.

Подсудимая избрала себе в защитники П.А. Александра. Многие тогда дивились, казалось, неудачному выбору. Шёпот изумления раздался в судебном зале, когда в день разбора дела к скамье защитника приблизилась фигура Александра: «Неужели-таки он?»

П.А. Александр казался пигмеем, взявшимся за работу гиганта, некоторые шептали: «Он поизбьет, он оскандалится и поубит дело».

Александр защищал В.Засулич идеально. Он начал с того, что отвлёк

из состава присяжных заседателей 18 наиболее верноподанных, оставшихся 13 заседателей представляли интеллигентские и среднечиновничьи круги, оппозиционно настроенные против всякого произвола.

Речь П.А. Александра несомненно в значительной степени подготовила оправдательный вердикт присяжных. Безвестный защитник вышел из суда знаменитым, с печатой славы на лице. Речь его, воспроизведённая на следующий день в газетах России, публиковалась и мировой прессой. Вчерашний пигмий превратился вдруг в великана.

Процесс над В. Засулич поднял престиж суда присяжных заседателей и присяжных поверенных (адвокатов), тем более что два одарённых прокурора – С.А. Андреевский и В.И. Жуковский – демонстративно отказались обвинять Засулич и после суда над ней вступили в адвокатуру. Такие были в те годы настроения среди просвещённых людей в столице Российской империи.

Но на окраине её, в Оренбурге, суд присяжных появится лишь в 1897 году, через 17 лет после того, как Александр принял на себя защиту К.М. Яновского.

Думаю, Пётр Акимович не переоценивал свои возможности защитника перед судьями-чиновниками. Он отдавал себе отчёт в том, что суд присяжных и суд чиновничий отличаются как небо и земля, как рассвет от заката солнца. Тем не менее «Дело с хвостиком» может стать хорошим пособием для студентов юристов XXI века...

«...В 6 часов декабряского вечера

суды ушли воещаться. Адвокат и публика, не говоря о подсудимом, испытывали тяжёлое чувство неизвестности и терпеливо, многие без завтрака и обеда, ждали, что решит суд.

Около восьми часов вечера пристав объявил: «Суд идёт». В зале воцарилась мертвая тишина. Председатель палаты Ю. Рохальский тихо прочёл следующую резолюцию: «...выслушав дело... палата определила:

1) Признать в духовном завещании верхнеуральского 1-й гильдии купца Рытова от 15 ноября 1870 года умышленное изменение по смерти завещателя буквы «ш» на букву «щ» в слове Аглицев, на 2 стр. подлинного завещания на 12-й строке сверху;

2) Верхнеуральского 2-й гильдии купца Михаила Ивановича Овсянника на основании 348 ст. XV т. Свода Законов оставить в сильном подозрении;

3) Отставного коллежского регистратора К.М. Яновского, 34-х лет, признать виновным в том, что из корыстных видов ходатайствовал в Оренбургской палате уголовного и гражданского суда о засвидетельствовании изменённого духовного завещания. Способом, указанным в п. 1 на основании 1691, 169*, 119, 4 п. 31 Уложения о НАКАЗАНИЯХ по лишению всех особо личных и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, сослать Яновского на жительство в Томскую губернию с заключением на месте на 1 год и 6 месяцев и с последствием по 47 ст. Уложения о НАКАЗАНИЯХ.»

Тут же, в заседании суда была изменена мера пресечения, и подсудимый увезён из зала прямо на заключение в тюремный замок.

Приговор с делом по жалобе адвоката впоследствии был представлен в Правительствующий сенат.

Стенографический отчёт о деле увезён в Петербург и после решения в Сенате так и не был в оренбургских газетах опубликован.

А о том, что в Высшей судебной инстанции Российской империи оренбургский приговор был отменён, свидетельствуют следующие факты.

Летом 1887 года на первой странице «Оренбургского листка» было обнаружено сообщение: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил освободить дворянина Константина Максимилиановича Яновского от законных последствий оставления его по судебному приговору в подозрении. О таком Высочайшем повелении для объявления Яновскому сообщено Оренбургскому губернатору».

Хроникёр того же периодического издания счёл нужным заметить: «Одним адвокатом стало больше в Оренбурге. Известный местный ходатай по судебным делам К.М. Яновский освобождён от ограничения прав, связанным с судебным оставлением его в подозрении и теперь он возобновляет частную практику».

Так разошлись другие обывательского любопытства, досужие разговоры стихли, и Оренбург погружился в состояние, в котором пребывал до судебного процесса...

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бий – мудрый в решениях, краснойбай, князь, господин. Аксакал – белобородый, старец, старший в ауле.
- ² «Киргизская степь Оренбургского ведомства», Лобысевич, Москва, 1891 г. – Стр. 26.
- ³ Монография В.В. Григорьева. СПб. 1871 г. – Стр. 77.
- ⁴ «Описание киргиз-кайсацких орд и степей», Левин, СПб 1832. – Стр. 178.
- ⁵ Сословие султанов – потомков киргизских ханов, имело право за трёхлетнюю службу по выбору на потомственное дворянство. IX том «Законов о сост.», изд. 1876 г., приложение к ст.31-й
- ⁶ «Песня алашица Байтоки на смерть хана Джангера», записанная и переведённая А. Алекторовым. Казань, 1898 г. – Стр. 19.
- ⁷ Женщина нередко служит меновой единицей. За убийство аксёека Ялангташ родня высылала кун в 1,300 тиллей и одну девицу. «Счастье жён у ног их мужей». См. «Коран и прогресс» Н. Остроумова. Ташкент, 1901-1903 г. – Стр. 230-248; газету «Новости» № 287, 1894 г.
- ⁸ Случается и злоупотребления куном. При внезапной, например, смерти киргиза в чужой юрте родственники умершего стараются доказать насильственность его смерти от хозяев юрты.
- ⁹ См. «С.-Петербургские Ведомости», 1898 г., № 284-й. – Да и по русскому законодательству конокрадство также приравнивается к похищению имущества, необходимого для пропитания потерпевшего. (– А.Ч.)
- ¹⁰ Собственно говоря, ещё в 1806 г., при учреждении в Малой Орде ханских советов, предписывалось уголовные дела доставлять на рассмотрение Оренбургской пограничной комиссии. Это предписание осталось в гласом вопиющего в пустыне. См. архив Тургайского областного правления, дело № 611, лист 289-290.
- ¹¹ «Много тайн хранит в себе, по-видимому, пустынная и безмолвная степь; много преступлений покрыто мраком неизвестности в степной глуши; их знает народ, но, при настоящем положении, не может знать русская власть». «Объяснения к проекту положений об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской». – Стр. 62-63.
- ¹² См. интересное дело Нуруша Саймова, описанное в «Северном Вестнике» 1891 года, Февраль, отдел II, стр. 53-54. Вследствие неплатежа из присуждённых биями 500 баранов оставшихся 200 родственники потерпевшего передали дело областному прокурору. Тургайское област. правление, действовавшее тогда на правах палаты уголовного и гражданского суда, приговорило убийцу на два года в арест. исправ. отделение, с сызкою затем в Сибирь.
- ¹³ См. «Наказание и его цели». Лист, СПб., 1895 г. – Стр. 28.
- ¹⁴ № 52, «Оренбургский листок», 1880 г.
- ¹⁵ Кони, А.Ф. Избранные произведения. – М. Госюриздат, 1956. – Стр. 532.

Татьяна Владимировна Судоргина родилась в селе Октябрьском Оренбургской области. Окончила Московский историко-архивный институт. Долгое время работала заведующей отделом информации Государственного архива Оренбургской области. В настоящее время – консультант Комитета по делам архивов области. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Действительный член Пушкинского общества, автор многочисленных публикаций на исторические темы, лауреат премии альманаха «Гостиный Двор» имени Валериана Правдухина (2008).

Татьяна СУДОРГИНА

«ПРОВОДЯЩИМ ЛЕТО В ШАЛОСТЯХ – РАЗУМНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ»

В 2012 году исполнилось 230 лет со дня рождения немецкого педагога-новатора Фридриха Фрёбеля, идеи которого находят немало последователей и в наше время. Он ещё в первой половине XIX века поднял проблему воспитания детей дошкольного возраста и предложил устройство детских садов. Немецкое «киндер гартен» вошло во многие языки мира в калькированном переводе – «детский сад». Ещё одной формой организации воспитательного процесса детей стали детские площадки. В России они впервые появились в конце XIX столетия.

Активизация деятельности общественных организаций Оренбурга по расширению сети учреждений для детей была связана с новыми социальными и экономическими трудностями, возникшими вследствие Первой мировой войны и увеличившимися числом безнадзорных детей. Оренбургское губернское земство, местное общество содействия физическому развитию

детей, учреждения Министерства народного просвещения, некоторые другие прежде разрозненные организации во время Первой мировой войны объединились «для общей работы в деле дошкольного и внешнего воспитания, образования подрастающего поколения». Именно тогда на территории нынешнего парка «Тополя» открылась детская площадка — прообраз современных летних дневных лагерей.

«КУДА ДОЛЖНЫ ИДТИ ПОДРОСТКИ В ЗНОЙНЫЕ ДНИ?»

Общественность Оренбурга в начале 1914 года была обеспокоена судьбой Тополёвого сада, так как городские власти разрешили открыть в нём кафе-штанган. Один из местных жителей возмущался: «Это недопустимо с эстетической точки зрения, недопустимо с точки зрения общественной культуры, с точки зрения общественного здоровья. Люди начинают устраивать свою жизнь по-умному. Устраиваются так называемые города-сады, процветает разумный спорт. А мы окружаем недоступной стеной чуть не последний в городе сад и устраиваем там кабак. И всё только из-за того, что это выгодно для городского сундука».

Взглянем на это дело с точки зрения общественной санитарии. Куда должны будут идти дети и подростки-школьники в летние знойные и пыльные дни? Сад, в котором имеется кабак, живёт только ночью. Днём со всеми своими бутлафорскими беседами, полусонной прислугой, выкриками репе-

тирующих певцов и хора, запахом и грязью кухни — сад отвратителен и в него не хочется заходить. Кто отсутствует в такой сад своих детей?

Где были санитарный и школьные врачи, когда гласные, не ведая, что творят, ослепленные рублёвыми интересами, забывали двери Тополёвого сада перед сотнями ребят и школьников?»

Затем оренбуржцы узнали, что «на заседании попечительного совета местного отдела лиги по борьбе с туберкулёзом поднят вопрос о необходимости протестовать против того, чтобы городская дума сдала под устройство шантана городской Тополёвый сад. После оживлённых прений постановлено ходатайствовать о том, чтобы Тополёвый сад был сохранён, как площадка для игр детей».

И всё же Тополёвый сад сдали в аренду местному предпринимателю А. С. Волкову. Но с началом Первой мировой войны в России был введён «сухой закон», а в феврале 1915 года «Оренбургская газета» сообщила: «Арендатор Тополёвого сада, А. С. Волков подал в городскую управу заявление о том, что благодаря создавшемуся положению вещей (запрещение продажи крепких спиртных напитков) он отказывается от аренды этого сада и просит принять от него имущество, принадлежащее городу».

Скрывшись за подписью «Новый», сотрудник «Оренбургской газеты» тогда же утверждал: «Гиб дошло и впоследствии городской Тополёвый сад. Каждый арендатор его вносил свою долю на посте-

пленное уничтожение сада, и все указания общества, все жалобы на то, что сохнут деревья, что исчезает естественный хороший сад в Оренбурге, оставались почти без внимания».

Городское самоуправление свои заботы в отношении сада проявляло исключительно в требованиях к арендаторам об аккредитованном платёже высокой арендной платы и изредка, уступая голосу общественного мнения, производило посадку двух-трёх десятков деревьев, вместо засохших тополей.

В думе вопрос о Тополёвом саду поднимался неоднократно, но каждый раз — в плоскости разрешения дилеммы: быть или не быть в саду шантану? Шантан оставался.

Ныне вопрос о шантане разрешился сам собой, так как арендатор отказался содержать в саду ресторан и шантан, но зато во всей остроте выростает новый вопрос: как сделать этот сад таким, чтобы им могли пользоваться с пользой широкие круги городского населения и, главным образом, дети... Прежде были: и тень в саду, и куртины цветов, устраивались народные гулянья с музыкой, и сад посещался массой детворы...

После заседания школьной комиссии городской думы, рассмотревшей вопрос «Об организации в городе Оренбурге разумных развлечений для населения», 13 марта 1915 года на обсуждение местных депутатов

Оренбург. Вход в Тополёвый сад

передано постановление, в котором среди прочих было следующее предложение: «В перешедшем в ведение города Тополёвому саду открыть детские гулянья и игры, назначив для них послеобеденное время от 2 до 7 часов»...

Гласные городской думы 15 апреля 1915 года решили: «Открыть для бесплатных гуляний городской Тополёвый сад, установить в нём время гуляний ежедневно с 2-х часов дня до 8-9-ти часов вечера, причём в случае надобности разрешить управе для охранения от порчи насаждений в этом саду увеличить существующее число сторожей».

«МОГУТ ОБСЛУЖИВАТЬ УЧАЩИХСЯ ДЕТЕЙ И ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА»

Участники совещания заведующих оренбургскими приходскими училищами в мае 1915 года предложили «устроить несколько детских площадок», подчеркнул:

«1. Будучи устроенными в не-

скольких различных пунктах города, они могут обслуживать большее количество как учащихся детей, так и детей дошкольного возраста.

2. Представляя в летнее время детям, находящимся дома без призора и проводящим лето в шалостях, разумные развлечения, игры и работы, детские прогулки имеют огромное воспитательное значение: они отучают детей от дурных привычек, воспитывают волю, чувство нравственности, порядочности и чувство солидарности.

3. В текущем году, когда в большинстве училищ учебных занятий почти не было, детские площадки могли бы служить связью детей со школой и дали бы возможность, хотя в малой мере, возместить упущения, которые явились следствием зимних невольных каникул.

4. Детям дошкольного возраста площадки могли бы быть полезны в смысле постепенного приготовления их к школьным порядкам, правилам и дисциплине...

5. Площадки принесли бы немалую пользу и самим учащим (т. е. учителям — Т.С.) тем, что дали бы им возможность практически ознакомиться с делом доставления детям разумных развлечений».

Члены городской управы постановлением от 22 мая 1915 года утвердили пожелание педагогических

коллективов и предложили им более детально разработать способы решения поставленных задач.

Преподаватели городских приходских училищ, обсудив организационные вопросы, высказали свои соображения:

«1. Из числа осмотренных четырех пунктов для устройства площадок наиболее удобными оказались два: Тополёвый сад и Летняя санатория за р. Уралом.

Тополёвый сад, занимая центральное место в городе, имеет: удобную для игр площадку пространством более 300 кв. сажен, изолированную от пыльных улиц высокой оградой и деревьями; открытый павильон для работ и бесед; помещения для хранения игрушек...

Третий пункт — сад Госпитальной площади (ныне парк около оренбургского гарнизонного госпиталя на Парковом проспекте — Т.С.) примыкает к двум пыльным и шумным улицам города, имеет треугольную площадку, изрытую ямами и покрытую пенками срубленных деревьев».

Четвёртый пункт представляет из себя площадку близ школьно-

Фридрих Фрёбель

го сада на Николаевской площади (теперь это территория вокруг ледового дворца «Звёздный» на ул. Комсомольской — Т.С.), пересечённую дорогами...

2. Для наблюдения за правильным ходом работ и игр на площадках, ведения отчётности назначить особых лиц.

3. Для руководства работами пригласить окончивших педагогические институты Фребелевского общества (речь идёт об обществе деятелей дошкольного воспитания, распространявших идеи Ф. Фрёбеля — Т.С.).

4. Руководство играми нести по заранее установленным дежурствам.

5. На площадках, кроме подвижных игр, вести и некоторые виды труда, устраивать чтения, беседы, экскурсии».

«ДЕЛО БОЛЬШИНСТВА УЧАЩИХ БЫЛО СОВЕРШЕННО НЕ ЗНАКОМОЕ»

Предложения заведующих приходскими училищами об организации детских площадок рассматривались

на заседании оренбургской городской думы 17 июня 1915 года. По просьбе городской управы на их реализацию ассигновано 600 рублей.

Заведующим детской площадкой Тополёвого сада вскоре был назначен Михаил Ильич Егоров. Он получил из городской управы соответствующее удостоверение, в котором говорилось, что «администрации Тополёвого сада надлежит оказывать господину Егорову всякое содействие».

Информируя о том, что 24 июня 1915 года в Тополёвом саду открылась первая детская площадка, представил оренбургской прессы уточнял: «На площадку дети от 5 до 16 лет для игр и занятий допускаются после записи бесплатно. Подвижные игры, ручной труд, чтения и беседы будут производиться на площадке 4 раза в неделю от 5 до 8 часов вечера».

Сохранился первый отчёт «об израсходовании аванса в сумме 50 рублей, отпущенных на оборудование детской площадки в Тополёвом саду». На эти деньги приобретены: «принадлежности для игр, книги, футбольный мяч и резиновые мячи разной величины, крокет, две железные трубы для самоваров, клюквенный экстракт, 5 фунтов сахара-песку, глина для лепки...»

В «Отчёте о состоянии народного образования в г. Оренбурге за 1915 год» (далее «Отчёт» — Т.С.), опубликованном в «Оренбургских городских известиях», несколько страниц посвящено деятельности детской площадки в Тополях: «Действия свои площадка открыла 24 июня в 5 часов вечера, о чём зара-

ОРЕНБУРГЪ. Тополёвый садъ.

нее жители Оренбурга были извещены особыми объявлениями. Сад, в котором поместилась площадка, находится на одной из центральных площадей города, от шумных улиц отгорожен высокой оградой. Сад имеет хорошо утрамбованную площадь 12 на 25 кв.сажен, тенистые широкие аллеи, открытые павильоны, и таким образом, был вполне подходящим для детских игр.

До открытия площадки число изъяснивших согласие руководить играми равнялось 31 (из них 5 учителей и 26 учительниц). Но так как дело для большинства учащихся было совершенно не знакомое, то участие половины записавшихся ограничилось лишь одним или двумя днями.

Действительных руководителей игры, т. е. оставшихся до конца деятельности площадки, было 18, из них 10 посещали постоянно и 8 по дежурствам. Для ознакомления с делом руководства играми приобретены были книги, которыми учащие и пользовались во всё время занятий».

Любопытны статистические данные, представленные составителями «Отчёта» в разделе «О детях». Всего площадку посетило 1 153 ребёнка (617 девочек и 536 мальчиков).

По возрасту они распределялись следующим образом: меньше всего было 12-летних — 107; больше всего: 173 ребёнка от 5 до 6 лет, 174 подростка от 13 до 15 лет.

По месту жительства: больше всего было детей из центральной части Оренбурга, где проживали наиболее обеспеченные граждане гу-

бернского центра — только 143 ребёнка, больше всего детей с окраин — 403 человека.

По национальности: русских — 1 014 детей, поляков — 19, немцев — 19, евреев — 77, татар — 20 детей.

По занятиям родителей: торговых служащих — 160 детей, чиновников — 669, ремесленников — 142, чернорабочих — 61.

По образованию: дошкольники — 173 (16%), неучащиеся — 67, гимназисты — 50, учащиеся реально-го училища — 14, учащиеся торговой школы — 12, учащиеся приходских школ — 756 (60%), учащиеся церковно-приходских школ — 27.

В разделе «Отчёта», озаглавленном «О посещениях», читаем: «Число детей, не пропустивших ни одного дня — 83, более 20 дней — 99, более 10 дней — 319, менее 10 дней — 652; число детей, бывших всего 1 раз, — 71. Общее число посещений — 7 563, максимум посетителей в 1 день — 527, минимум посетителей в 1 день — 127, среднее число ежедневных посетителей — 315».

«НЕСМОТЯ НА МНОГИЕ НЕДОЧЁТЫ, ПРИНЕСЛА СВОЮ ДОЛЮ ПОЛЬЗЫ»

Авторы «Отчёта» информировали: «Рядом с детьми зажиточных жителей города играли босоногие дети городской бедноты, и это нисколько не мешало общему веселью. Все играли с увлечением. Игры одинаково интересовали как 5-6-летних, так и 13-15-летних.

У руководительниц младших групп пользовались популярностью такие безыдейные и бессмысленные

Электростанция

игры, как «Каравай» и «Чёрный баран». В старших группах игры приобретали воспитательный характер и любимыми стали игры «Третий лишний», «Охотники», «Перебежки».

В группе мальчиков установился только один тип игры, которым мальчики занимались с увлечением изо дня в день — футбол. Игра эта способствует развитию в детях ловкости, смелости и изобретательности, развивает в них чувство солидарности, честности, приучает к дисциплине и сама по себе интересна. В настоящий английский футбол с битьём мяча ногой играли большие дети, в остальных группах с большим воодушевлением и интересом играли в упрощённый ручной футбол.

Из видов ручного труда на площадке имели место вязка, а затем и шитьё противозагов. Кроме этого было несколько уроков лепки из глины. Работой этой дети занима-

лись с охотой и показали примеры изобретательности и вкуса.

В течение месяца дети под наблюдением руководителей совершили три экскурсии:

1. Экскурсия для осмотра электрической станции. Объяснения устройства станции, работы машин давал помощник заведующего станцией. Детям подробно разъяснено, где и как появляется электрическая энергия и как ею пользуются для освещения.

2. Экскурсия на свечной завод. Задёс перед глазами детей прошла полная картина приготовления свечей от момента расплавки воска до заложения свечей.

3. Экскурсия в лес на старый Урал. Эта экскурсия особенно понравилась детям. В восемь часов утра 30 июля в стройном порядке около 200 человек вышли из Тополёвого сада и направились к архиепископскому дому. Шли весело с пением песен. Около 11 часов утра остановились лагерем у так

называемого Кривого озера. Слушателями приходских училищ был приготовлен чай. После чая началось неподдельное веселье. Особенно трогательно было смотреть, когда дети с флажками устроили манифестацию с пением гимна и криками «Ура!» за здоровье Государя Императора и Августейшего Наследника. В полдень детям устроен обед, после которого опять началось веселье вплоть до отправления домой.

В общем, детская площадка, хотя и далеко ещё не была на той высоте, которые предьявляются к детским площадкам, всё же дала детям много счастливых дней бесконечного веселья и разумного развлечения. Площадка, несмотря на многие недочёты, принесла свою долю пользы».

Перечень инвентаря, используемого летом 1915 года посетителями детской площадки в Тополях (10 мячей, 10 обручей, 10 серво, 1 крокет, 4 экземпляра флажков) завершался примечанием: «Весь инвентарь по бережности караульщика Тополёвского сада после окончания игр расхищен беженцами».

«ПОСТАВИТЬ ПЛОЩАДКИ НА Твёрдую Ногу»

Собрание учителей оренбургских школ, состоявшееся в городской управе 18 апреля 1916 года, где обсуждался вопрос об устройстве детской площадки в Тополёвом саду, открыл городской голова Е.Н.Клиентов. Он обратился к присутствующим с речью, суть которой сводилась к заявлению: «Вопрос до-

роговизны, отсутствие продовольствия, военные обстоятельства тяжёлым бременем легли на плечи общественного управления. Я призываю вас, господа, к дружной работе».

Побывавший на заседании корреспондент газеты «Оренбургское слово», уделив основное внимание выступлению главы губернского центра, в своём репортаже кратко сообщил: «Собранием, между прочим, заслушано заявление доверенного 1-го общества потребителей о желании устроить в Тополёвом саду гуляния и игры для детей дошкольного возраста...»

Специальное бюро по организации детских площадок создано на заседании школьной комиссии 28 апреля 1916 года. В него вошли: «от города инспектор народных училищ Н.С. Богоявленский, член управы Ф.К. Шморель, новый заведующий внешкольным образованием И.М. Владимирский; от губернского земства — К.Н. Березников и от общества содействия физическому развитию детей А.А. Шикин и А.С. Лазов».

Член управы Ф.К. Шморель доложил, что «лока решено устроить детские площадки на Марсовом поле (ныне территория за зданием бывшего летнего училища на ул. Челюскинцев, в котором с конца XX столетия располагается кадетский корпус), в Тополёвом саду и на Николаевской площади».

Для финансирования деятельности бюро городские власти и губернское земство выделили по тысяче рублей. Министерство народного просвещения ограничилось 500 ру-

Оренбург.

Площадь маршала Шанина, Оренбург. — Саларь.

Тополёвый сад.

Тополя — открытая сцена

блями, общество содействия физическому развитию детей внесло свою лепту — 800 рублей.

Позднее городская дума, «приняв во внимание громадное воспитательное и образовательное значение детских площадок», решила «поставить площадки на твёрдую ногу», дополнительно ассигновав ещё 1 235 рублей.

Посетив по поручению школьной комиссии городской управы Тополёвый сад, представители бюро по организации детских площадок сообщили: «Наиболее отвечает своему назначению Тополёвый сад, который имеет не только вполне достаточное места для площадок, но и необходимые постройки, павильоны, где дети в случае нужды могут укрыться в дурную погоду, а более всего для устройства в них намеченных уже детских концертов: постановки детских опер и групповых чтений.»

Кроме того, они «нашли, что все

помещения необходимы для правильной и широкой постановки детских площадок. Но, считая просьбу Общества потребителей преследующей те же цели в области взрослого населения, полагаи возможным предоставить Обществу небольшое помещение, находящееся вблизи ограды с восточной стороны (бывшее бильярдное), с условием полного изолирования его от остальной части сада и постановки уборных».

Члены городской управы, обсудив эти предложения, констатировали: «В целях разумного проведения детьми своего внешкольного времени, а также внешкольного воспитания их использовать Тополёвый сад и все имеющиеся там постройки для устройства детского сада и площадки... То помещение, которое бюро находит возможным предоставить Обществу потребителей для устройства чайной и библиотеки, также необходимо использовать для устройства в

нём детских яслей, в которых чувствуется настоятельная нужда».

Познакомившись со всеми материалами, депутаты городской думы 11 мая 1916 года постановили: «Тополёвый сад со всеми находящимися в нём постройками предоставить для нужд детской площадки...»

«СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВРЕДНОМУ ВЛИЯНИЮ УЛИЦЫ»

«Совместное заседание фребеличек и членов городского общества по организации детских площадок (госпожа Шморель и Шикин)» состоялось в оренбургской городской управе в конце мая 1916 года: «Фребеличками была высказана цель открытия площадки: всестороннее развитие личности ребёнка. Играя, ребёнок живёт и подготавливается к жизни, развиваясь физически, умственно и нравственно.

Детская площадка представляет благоприятные условия для правильной постановки игр как воспитательного, так и образовательного характера. Прогулки и экскурсии непосредственно знакомят с окружающим миром, обогащают знаниями, развивают наблюдательность, любовь к природе, ко всему прекрасному, способствуют сближению с товарищами и руководителями. Ручной труд и искусства: лепка, рисование и вырезывание из бумаги развивают инициативу, творчество и фантазию детей...»

О площадке Тополёвого сада очевидец событий писал: «В центре города расположен Тополёвый сад, обнесённый высоким забором,

с расходящимися из середины сада и по краям тенистыми аллеями. В центре сада находится фонтан, обсаженный цветами, а вокруг него площадка для детских игр. Беседки в саду служат защитой от дождя и для бесед. В одной из них помещаются баки с кипячёной водой и умывальник.

Небольшая часть сада занята громадным домом, в котором живут руководительницы площадок. В нём же находится зал для детских спектаклей, вмещающий около 300 – 400 детей, пианино, комнаты для хранения детских работ, гризюшек, детская читальня. Во дворе дома находится здание для работ – рабочая комната с партами, доской, баком для питья и умывальником.

Перед приходом детей площадка поливается, так что пыли мало».

Для ведения занятий на детской площадке Тополёвого сада приглашены окончившая киевский фребелевский институт В.А. Метлицкая (в группу детей от 1 года до 7 лет), с петроградских фребелевских курсов – О.А. Бахарева (в группу детей от 8 до 10 лет) и Е.А. Мамонтова (в группу детей от 11 до 14 лет), учитель пения Г.Я. Кирюшин, организатор оркестра А.И. Двораковский, учительница рукоделия М.И. Артемьева.

Запись детей на площадку проведена 29 мая. При этом «докторский осмотр зарегистрировал большое количество трахомных и чесоточных детей, которых направляли в больницу».

Один из членов оренбургской го-

родской управы в начале лета 1916 года извещал губернскую земскую управу: «Городское общественное управление уже давно озобочивала мысль о заполнении внешнего досуга учащихся, главным образом, в летнее каникулярное время, когда учащиеся начальных школ и дети дошкольного возраста в громадном большинстве случаев остаются без всякого воспитательного влияния школы, а очень часто и в несоответствующей домашней обстановке. Наиболее целесообразным средством противодействия вредному влиянию улицы в настоящее время признаётся организация детских садов и площадок при них.

Опыт прошлого года, несмотря на некоторые недостатки в постановке площадок и руководстве ими, дал настолько осязательные результаты, что городское общественное управление признало необходимым не только продолжить это дело, но и расширить его, чтобы дать возможность большему числу детей в возрасте 4 – 15 лет проводить свободные часы под непосредственным руководством опытных в деле внешкольного воспитания лиц».

Заканчивалось послание просьбой о выделении средств на осуществление задуманного: «Предварительный набросок расходов только на двухмесячное функционирование площадок выразился в сумме 3 500 рублей. В самом начале действия площадок уже появились новые расходы, которые не были предусмотрены, и кроме того признано необходимым увеличить время функционирования площадок до начала учебных занятий. Всё это

даёт значительный перерасход имеющихся в бюро сумм. Выяснилась также необходимость устройства забора вокруг школьного сада на Николаевской площади и других построек, проведение водопровода в отдалённую часть сада и на саму площадку. Нужно устроить навес на Марсовом поле. Ввиду этого городская управа имеет честь просить губернскую земскую управу о пособии от 1 500 до 2 000 рублей...»

«КАЖДАЯ ГРУППА НОСИЛА НАЗВАНИЕ ЦВЕТКА»

Авторы отчёта о деятельности летних детских площадок в городе Оренбурге за 1916 год постарались осветить атмосферу происходящего там в мельчайших подробностях: «В Тополёвом саду количество записавшихся быстро росло. Всего их было 1 598 (739 мальчиков и 859 девочек). По возрасту посетители площадки делились следующим образом:

1 год – 2 ребёнка
2 года – 22
3 года – 55
4 года – 70
5 лет – 110

6 лет – 135 детей
7 лет – 159
8 лет – 199
9 лет – 185
10 лет – 200

11 лет – 181 ребёнок
12 лет – 134
13 лет – 80
14 лет – 19.»

Была составлена и таблица «социального положения родителей». Из неё следует, что площадки в Тополёвом саду летом 1916 года посещали 959 детей мелких служащих (приказчиков, городовых, рассыльных); 437 детей рабочих и мастеровых (столяров, маляров, извозчиков); 179 детей солдат; 172 ребёнка железнодорожников; 165 детей торговцев; 130 детей чиновников, учителей, офицеров; 72 ребёнка парикмахеров, портных, кондитеров; 55 детей тех, кто занимался хозяйством.

Дети делились по возрасту на 3 группы: младшая — до 7 лет включительно, средняя — 8 — 10 лет, старшая — от 11 до 14 лет. Каждая группа носила название цветка, который в день открытия

площадки был вывешен на месте, предназначенном для данной группы. Дети очень любили свои цветы, называя себя «васильком», «маком», «подсолнухом».

Площадки были открыты от 5 до 8 часов вечера, в праздничные дни от 5 до 7 часов. Занятия велись по распорядку: «свободный час, беседа, ручной труд, мари, лёгкие гимнастические упражнения и систематические игры.

Дети старшей группы Тополёвого сада, состоя в большей частью из учеников старших отделений начальных школ и младших классов гимназий, были очень заинтересованы беседами по природоведению: о защите растений и животных, о пчёлах и осах. Был собран гербарий. В средней группе изредка проводились беседы, рассказывались сказки, но за многочисленностью группы нельзя было проводить что-то систематическое. В младшей группе рассказывались сказки «Лиса и заяц», «Колобок», «Красная Шапочка», «Жар-птица», «Репка». Детям показывали туманные картины: «Капитанская дочка» и «Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина, «Аленький цветочек» С.Т. Аксакова.

Вскоре после открытия площадок детям предложено организовать журналы по названиям групп. На обложках нарисованы и вырезаны эти цветы. Там были рассказы, сказки, стихотворения о жизни площадки. Рассказы иллюстрировались детьми.

Обложка детского журнала

«ИГРА — ЕСТЬ УПРАЖНЕНИЕ, ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ КОТОРОГО РЕБЁНОК ГОТОВИТСЯ К РАБОТЕ»

Составитель отчёта о работе городских детских площадок в 1916 году свидетельствовал: «У руководительниц площадок было намечено проведение небольших детских спектаклей только для детей, их сопровождающих. Три раза дети играли в городском театре, много раз в Тополёвом саду. Особенно хорошо прошли пьесы «Спящая царевна», «Берёзкины именины», поставленные старшими группами. Не меньшее впечатление произвели пьески «Снежиночки», «Теремок мышки», «Кот, петух и лиса». Также выступали хор, оркестр балалаечников из детей. Взрослые играли на рояле и скрипке. Сколько радости и веселья минут доставляли детям спектакли! С каким интересом они шили себе костюмы, делали сабли, вышивали кокошники.

В театре шум, гам, аплодисменты. Звонко, занавес взвился, дети прыгали. Они поражены этим загадным лесом, этими кузнечиками и бабочками, порхающими на сцене. Они не верят, что это их товарищи, думают — настоящие артисты. Принесут цветы, бросают их с записками на сцену. А сколько потом разговоров! Радостно за детей, что хотя бы на время они могут уйти из той «душной» атмосферы, которая царит в бедных районах города.

Для пения был приглашён специалист, разучивавший с детьми песенки, предусмотренные педагогическим собранием. Пение ве-

Дети в костюмах для спектакля

лось два раза в неделю, чаще под скрипку, изредка под пианино. Под пианино они пели с большей охотой. Дети любили пение, особенно различная песенки к спектаклю. На прогулках песни почти не умолкали. На первых прогулках дети начинали петь только «уличные» и «солдатские» песни, но им запрещали петь «свои» песни. Уже на второй прогулке они пели песни, выученные на площадке: «Андрей-воробей», «Травка зеленеет», «Каравай», «Козлик», «Зайка», «Елочка», «Во поле берёзонька стояла».

По мнению современников, «больше всего внимания и времени на площадке уделялось играм. Руководительницы придерживались взглядов профессора Лесафта, который ска-

зал, что «игра — есть упражнение, при производстве которого ребёнок готовится к жизни». Дети младшей группы Тополёвого сада играли в «Кошки-мышки», «Гуси-лебеди», «Каравай». Ребята из средней группы предпочитали «Пятнашки», «Море волнуется». В старшей группе чаще всего выбор падал на «Живую цель», «Перебежки», «Эстафетный бег», «Русскую ленту».

Согласно архивному документу в 1916 году в Тополях дети занимались лепкой, рисованием, вырезыванием, картонажем, как: «Рисовали чёрными и цветными карандашами, красками. Коллективные работы по лепке посвящались определённой тематике: «Зимовье зверей», «Сенокос», «Лес». Вырезывание было проведено несколько раз: вырезали фрукты, овощи, пейзажи. По картонажу сделаны: рамки, папки для писем, коробки для коллекций, грибки для спектакля».

«БЫЛ СОЗВАН ТОВАРИЩЕСКИЙ СУД»

В Тополёвом саду летом 1916 года появились «небольшие огороды, где были посеяны редиска, репа, фасоль, кукуруза. Огород всегда был подит, всегда в порядке. Выросла редиска, кукуруза величественно возвышалась своей красивой зеленью, но шалуны-мальчики многое испортили. Грядки детей средней группы были совсем истоптаны. Дети старшей группы Тополёвого сада до самого конца лета ухаживали за огородом».

Посещавшие летнюю площадку в Тополёвом саду дети старшей и средней групп тогда же совершили не-

сколько экскурсий: в Зауральную и Протопоповскую рощи, в Форштадтский лес, на Маяк, на Марсово поле.

Решению педагогических проблем посвящён раздел отчёта под названием «Дети, не поддающиеся влиянию площадки». В нём говорилось: «В старшей группе Тополёвого сада в первые же дни выделялась группа детей, которые не хотели играть, работать и вообще подчиняться правилам площадки. Был созван товарищеский суд и 5 детей удалили с площадки на неделю. Тяжёлое решение. Для этих нервных и неуравновешенных детей нужно отдельное лицо, которое бы руководило ими, приучило к сдержанности, к выработке твёрдой воли. Ручной труд, прогулки, игры, гуманное отношение к ним — вот лучшие средства воздействия на них».

За полторы недели до закрытия площадки детям были розданы анкеты, с помощью которых организаторы летнего отдыха маленьких оренбуржцев пытались выяснить, понравилось ли им в Тополях. Все без исключения заявили, что хотят посещать площадку и в следующем году. Они предлагали разнообразить набор игрушек, настаивая на наличии детских велосипедов, ходуль и устройстве качелей, каруселей, гигантских шагов. Многие ребята надеялись, что в будущем учтутся их пожелания по организации занятий гимнастикой и спортивных игр в шашки, шахматы, кегли, футбол.

В августе 1916 года состоялось родительское собрание. Накануне открылась выставка детских работ: мамы и папы могли познакомиться с творчеством своих чад. Родители

благодарили устроителей площадки, «отвлечших детей от дурного влияния улицы и давших возможность разумно проводить несколько часов в день».

Подводя итоги деятельности детских площадок, члены оренбургского педагогического бюро на исходе лета 1916 года предложили их организаторам в будущем учесть некоторые недостатки и составили план: «Для детей 4-й и 5-й частей города необходимо устроить ещё 2-3 площадки. На каждую руководительницу не должно быть более 50-ти детей. Для детей, которые выделяются из общего уровня по своим индивидуальным особенностям, не поддаются общей дисциплине, должна быть приглашена отдельная опытная руководительница. Необходимо на каждой площадке отдельная должность заведующей хозяйством, она же выдаёт игрушки. На каждой площадке должно иметь сторожа. Необходимо вести на площадках преподавание ручного труда, пения. Желательно иметь особое лицо в качестве организатора детских спектаклей, праздников. На площадках должны быть собственные библиотеки...»

«СОТДАТЫ ОКАЗАЛИСЬ ЧУТКИМИ»

Из оренбургской управы инспектору народных училищ Оренбургского уезда в отдел общеобразовательных учреждений Ташкентской железной дороги, в правление оренбургского общества физического развития детей в последний январский день 1917 года направлено письмо, в котором говорилось: «Опыт

устройства минувшим летом детских площадок на Марсовом поле, в Тополёвом саду и школьном саду на Николаевской площади дал настолько заметные результаты, что городской управой предполагается устроить таковые и предстоящим летом, но уже в несколько большем размере, приурочив открытие их к самому концу учебных занятий, т.е. к началу мая...»

Относя в значительной степени успех действия площадок в прошлом году на то обстоятельство, что в деле организации их и общем руководительстве принимали участие представители обществ и учреждений, давших на это и материальную помощь, городская управа имеет в виду тот же принцип объединённой организации и в предстоящем году...

Для удовлетворительного разрешения вопроса правильной постановки детских площадок и своевременного их открытия, городская управа просит ускорить разрешение его в том или другом смысле, так как необходимо в ближайшее время выяснить объём деятельности детских площадок, а в зависимости от этого и приглашение того или другого количества фребеличек. Приглашение последних необходимо сделать заблаговременно, не позднее февраля месяца. В противном случае ввиду значительного в последние годы спроса на фребеличек город рискует в лучшем случае не иметь выбора их».

Опасения оказались напрасными. Не повлияла на работу по организации детских площадок и революцион-

ТОПОЛЕВЫЙ САДЪ.

Секція разумныхъ развлеченій С. С. и Р. Д.

Въ Ю. КРЕСИНЬ 29-го Мая представлено будетъ

По вторей разѣ популярна **НА ДНЬ** послѣ И. ГОРЬКАГО 29-го Мая

Въ понедѣлов 29 марта (май) Влагорина выставка.

Украинскою группою И. Л. Сагатовскога буде выставана **СУЕТА** кон на 4 дні Карнега Карого.

Всі грешни, заслуби въ себѣ видъ грішари, а такожъ входи плати въ садокъ підручъ на користь бібліотеки создате-українши.
Усіхъ, хто спускає візку до сучасу ділу, загнутою підлежити квіжками і грішми, які будуть приймаєть членовъ Комитету Укр. Рівск. Рада в „Каратан-Сараѣ“ віжи дѣть з 12 до 3-х годовъ вѣк.
Квѣти на выставу проведуться у басі при садочку изводъ з 6 до 10 годни вѣк.

ГРАЖДАНЕІ КЪ ВАМЪ НАША ПРОСЬБА.

при Оренбургскомъ Собѣтѣ солдатскихъ депутатовъ.

Афиша о театральныхъ постановкахъ

онные события февраля 1917 года. Но с начала мая 1917 года в Тополёвом саду устраивались театрализованные представления и потому на «совместном заседании в городской управе группы фребеличек и членов различных организаций» 23 мая 1917 года «представительницей фребеличек прочитан доклад о первых впечатлениях после осмотра площадок, предназначенных для занятий с детьми: «Тополёвый сад не удовлетворяет требованиям работы, так как в нём присутствует организация другого характера, а именно — секция разумных развлечений для солдат...»

В защиту своих требований другая представительница от группы фребеличек «осветила вопрос о значении воспитания. Она развила мысль о способности детей к

подражанию взрослому и из этой мысли сделала вывод о невозможности совмещения двух организаций в одном саду. Тем более что организация разумных развлечений имеет целый ряд соблазнительных явлений, абсолютно недопустимых в детскую жизнь.

На эти заявления были высказаны возражения со стороны представителя секции разумных развлечений: на репетициях присутствует не более 10 — 12 человек, которым нет дела до детей, и которые совсем не могут помогать им.

Со стороны же членов местного самоуправления и других присутствующих фребелички встретили горячую поддержку своих взглядов...

После многочисленных прений

вопрос был поставлен решительно: или мы будем воспитывать будущих граждан, не ломая их жизни, или мы удовлетворимся полумерами и будем бесконечно жать какого-то момента, когда мы начнём новое восстание.

Второй представитель от секции разумных развлечений сказал: «В этом вопросе не может быть двух решений. Если Тополёвый сад необходим, то он должен принадлежать детям...»

Депутатов высшего органа местной власти в последний майский день 1917 года известили: «Школьная комиссия городской думы, на рассмотрение которой была передана просьба секции разумных развлечений Совета солдатских и рабочих депутатов о предоставлении Тополёвого сада в её распоряжение, постановила: «Просьба секции не может быть удовлетворена в полной мере, так как в Тополёвом саду уже намечено устройство детской площадки, ввиду чего сад мог быть предоставлен лишь временно до приезда её руководительницы. Тополёвый сад необходимо передать в полное распоряжение площадки, так как совместная работа с другой организацией в одном месте совершенно невозможна. Исполнительный комитет секции «признал, что требование фребеличек необходимо удовлетворить и постановил отказать от Тополёвого сада...»

Под заголовком «Светлое явление» в газете «Оренбургская жизнь» тогда же обнародовано сообщение, подготовленное руководительницами детских площадок: «Приехав в

город Оренбург работать на детские площадки, мы горячо приветствуем то разумное отношение к таким сложным и отвлечённым понятиям, как воспитание детей, которое высказали демократические организации (солдатки и солдаты). На их долю выпало довольно трудное решение: выделить из громадного количества детей только 1 тысячу для посещения площадок.

Мы, работающие, не могли обойтись без их помощи, а солдатки решили этот вопрос с большим достоинством для себя: «Товарищи! Уступим место наиболее нуждающимся!» И приняли на себя добровольно все хлопоты для выявления этих нуждающихся, сами разделили город на районы, сами известили всех заинтересованных солдаток и сами решили провести обследование и направить детей на площадки.

Когда же встретилось второе затруднение в отведении места занятий для детей в Тополёвом саду, где поместилась секция разумных развлечений, пришлось этот вопрос поднять в исполнительном комитете Совета солдатских депутатов. Товарищи солдаты оказались настолько чуткими к такому серьёзному и сложному вопросу, что без всяких колебаний заявили: «Для этого святого дела мы должны немедленно отказать от сада и предоставить его всецело в ведение детей, чтобы они имели возможность начать своё воспитание правильным путём».

Мы, присутствующие на этих собраниях, не можем не отметить

Фотография мальчика.
Начало XX века

ми посетителями летних площадок, утверждала: «Удобнее всего для малышей ставить спектакли в Тополёвом саду, так как там есть, где поиграть и побегать во время антракта».

Одна из фребеличек в середине августа записала: «10 августа в Тополёвом саду был устроен прощальный спектакль для всех площадок. Первая группа Тополёвого сада поставила оперу «Гриб-боровиш». Вторая группа Тополёвого сада поставила живую картину с пением «Во поле берёзонька стояла» и комедию в одном действии «Коза, козлятки и волк»...

Все важные события из жизни площадок, споры между детьми обсуждаются и разрешаются самими детьми на общих собраниях».

После закрытия площадок в Тополёвом саду в течение нескольких дней действовала выставка детских работ. С пометкой «Срочно» 14 августа 1917 год в городские училища заведующий отделом школьного образования направил сообщение: «Руководителями городских детских площадок устроена выставка детских работ (по рисованию, лепке, картонажу, гербаризированию), проведенных в летний сезон текущего года».

Находя выставку интересной с педагогической стороны, отдел народного образования извещает, что исключительно для учащихся выставка открыта во вторник 15 августа. Объяснения будут давать руководительницы.

Выставка помещается в Тополёвом саду сада большого павильона. Вход в Тополёвый сад, если

приглашены особые преподаватели. Имеется библиотека и устроен огород. В Тополёвом саду издаётся газета, выходящая три раза в неделю.

Дети старших групп ходят на экскурсии: на Маяк, в Протопоповскую рошу, форштадтские луга, в войсковую сельскохозяйственную школу, типографию, в городскую управу, на свечной завод. Неизгладимое впечатление произвело на детей посещение зверинца, организованное 26 июня 1917 года.

В здании ресторана Тополёвого сада, где имеется сцена, детьми ставятся еженедельно спектакли. Воспитательница, работавшая с самыми маленьки-

будет закрыт главный вход, со стороны Караван-Сарая».

Среди архивных документов обнаружен счёт от владельцев оренбургской фотографии «Надежда» за «18 снимков детей с детских площадок и выставки изделий тех же детей». Возможно, они где-то сохранились...

«ДО ПРИИСКАНИЯ ПОМЕЩЕНИЯ ДЛЯ ДЕТСКОГО САДА ИЛИ КЛУБА»

Учитель музыки Л.А. Шелудяков вскоре направил «господину заведующему внешкольным образованием при городской управе» заявление: «Закончились занятия с детьми на площадках. Вследствие их закрытия и ввиду просьбы большинства детей продолжить учиться музыке, я тактовые перенёс в Тополёвый сад, куда изъявили желание ходить дети».

Чувствую со своей стороны необходимость продолжить учение детей, большинство из которых не получили достаточной подготовки вследствие неаккуратного посещения уроков музыки по уважительным причинам.

В особенности масса заявлений стала поступать после выступления Великорусского оркестра, организованного мной на площадке Тополёвого сада.

Все дети, изъявившие желание учиться, записаны мною кандидатами в оркестр, ввиду чего обращаюсь с покорнейшей просьбой возбудить ходатайство о продолжении занятий с детьми временно до прискания помещения для детского сада или клуба, а также дать возможность брать уроки детям вновь записавшимся.

Затем по моей инициативе на площадке Тополёвого сада организован Великорусский оркестр, для которого мной даны собственные хрестоматийные инструменты. По ввиду пополнения с каждым днём оркестра и ввиду начала зимнего сезона концертов моего собственного оркестра не найдёте ли возможным исходатайствовать временно воспользоваться инструментами, находящимися в Ермолаевском приюте, которые в настоящее время бездействуют, также инструменты есть в школе прапорщиков...»

Просьба музыканта была удовлетворена, и дети занимались в Тополёвом саду ежедневно до 1 сентября 1917 года.

...Традиции организации отдыха детей в каникулярное время, заложенные в то сложное время, использовались оренбургскими педагогами и в первые годы советской власти.

Маршал Даву

Маршал Бернадот

Маршал Мюрат

Маршал Ней

Император Франции Наполеон Бонапарт

